Чужая Земля

Автор:
Олег Дивов

Чужая Земля

Олег Игоревич Дивов

Новый Дивов

Далекая планета, очень похожая на Землю. Яркие и сильные люди, очень похожие на землян. Мы найдем общий язык с туземцами – или нам лучше уйти.

Беда в том, что уйти мы не можем. Открыв «Землю-два», русские, сами того не зная, принесли с собой войну. Пока еще холодную. Но скоро здесь будет жарко. И степные псы, пожиратели трупов, наедятся до отвала.

Кажется, мы любим создавать трудности и потом их преодолевать…

Олег Дивов

Чужая Земля

© Дивов О., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Пролог

06 июля, аэродром базового лагеря экспедиции МВО РФ на «Зэ-два»

Помню, как сейчас: я стоял на краю летного поля, а экипаж Чернецкого шел к своему конвертоплану, и командир смотрел куда-то вдаль, не замечая никого, зато второй пилот мне подмигнул.

В темно-синей форме гражданской авиации они все были очень красивые и деловые, прямо хоть лети с ними вместе спасать мир, но вот нутром понимаешь, что им – можно, а тебе нет.

Небо закрыто до особого распоряжения, и если эти бедовые парни решили, вопреки запрету, подняться в воздух по неотложному геройскому делу, ты-то не дергайся. Ты же не герой.

Следом за экипажем шли геологи, которым тоже летать нельзя, но в своих защитных робах они смотрелись рядом с авиаторами как багаж, демонстрируя всем видом, что, раз Чернецкий задумал грузить балласт, ему лучше знать. А ты расслабься, жуй травинку и не мешай подвигу. Зря, что ли, тебе подмигнули.

День выдался пасмурным, едва ли не впервые за все жгучее местное лето, и ветерок шелестел степным ковылем. Впереди, за границей летного поля, не было ничего, что напоминало бы о человеке, только серая равнина до горизонта. Если смотреть туда, можно, наверное, притвориться, что никого нет вокруг и ничего не происходит. Или закрыть глаза и, слушая тихий шепот степи, улететь мыслями далеко-далеко.

И хоть на миг забыть, где мы сейчас и сколько наших здесь навеки.

Непозволительная роскошь.

Травинку я жевал и глазел по сторонам не ради безделья: стояли мы тут с великим вождем Унгусма?ном по прозвищу Тунгус, имея беседу на актуальные темы внутренней политики. Смотреть на верховного правителя династии Ун, когда он с тобой говорит, невежливо, но совсем опустить очи долу не позволял

уже мой персональный статус. Пришлось, навострив уши, озираться туда-сюда – то на далекую глинобитную стену местной столицы, где мудро и жестко правит Тунгус, то на домики нашей базы, где свирепствует начальник экспедиции полковник Газин. В обоих случаях зрелище не радовало.

Я слишком хорошо знал, что творится там, внутри.

И слишком хорошо видел, как крепко мы влипли.

А на орбите звездолет, только нас не заберет.

Очень не вовремя я вспомнил, что путь домой закрыт. Моя третья вахта за двадцать световых лет от Земли подходит к концу, но вряд ли завершится. Мои навыки дипломата больше не имеют значения, я никому не могу помочь, от меня никакого толку. День за днем я честно тяну лямку рядового члена экспедиции и мог бы в том найти утешение, да не получается. Временами так устаю, что готов сдохнуть, но даже на это не имею права…

И тут летчики пошли к своей машине. Пока я пытался сообразить, что за авантюру они замышляют, Тунгус весь подобрался, двухметровая антрацитовая громадина, и сделал короткий едва заметный жест от живота, будто оттолкнул Чернецкого тыльной стороной ладони. У аборигенов это универсальный знак сопричастности и пожелания скорейшего исполнения задуманного.

Чернецкий вдруг оглянулся через плечо и кивнул Тунгусу.

Грешным делом, я испытал вместе с недоумением известное облегчение. Вождь меня совершенно измучил, приятно было отвлечься.

Не знаю, объяснит ли это мое замешательство, но великий вождь Унгусман действительно великий, у нас таких не делают. Видит насквозь все живое, а оно его слушается. Даже лютые степные псы виляют перед ним хвостами, словно земные собаки… И когда этот ослепительно черный и оглушительно харизматичный дядька начинает на тебя давить, а ты согласно этикету жуешь травинку и делаешь одухотворенное лицо, – ей-богу, даже война обрадует.

Обычно вождь меня не плющит своим величием, держит за равного. Мы знакомы три года, Тунгус зовет вашего покорного слугу другом и сегодня чисто по-дружески так наступил на горло, что я счастлив был отдышаться хоть самую малость.

А Тунгус сказал, провожая летчиков взглядом:

– Хорошие парни, доброе задумали, почему ваши начальники запрещают им?..

И сам же ответил:

– Начальники боятся потерять силу управления. Понимаю. Сам такой. Иногда проще всё запретить, чем устранять последствия. Особенно в трудные времена. Но если находятся герои…

Я не успевал переводить слово в слово, но общий посыл был ясен. Тунгус пытался донести до меня простую мысль, что правильный вождь умеет замечать правильных героев. И даже когда всем запрещено всё подчистую, надо оставлять лазейки для хороших парней, задумавших доброе: вдруг они своим самоуправством выручат племя – не казнить же их потом.

Второй смысловой слой я тоже выловил: Тунгус деликатно намекнул, что очень уважает полковника Газина, но в нынешних обстоятельствах стоило бы наплевать на отдельные запреты, а то как бы не стало хуже.

Сдохнем же.

У местных есть аналог нашему понятию «интуиция», и Тунгус говорил, что в мирной жизни полагаться на интуицию глупо, зато в моменты смертельного риска именно ее надо слушать. Летчики, на взгляд Тунгуса, сейчас повиновались инстинкту и потому имели шанс на победу, а контрольная башня аэродрома, с которой вдруг начали орать невнятное, но явно неприятное, – она как стояла на месте, так и обречена стоять, покуда не рухнет. Ну и заткнулась бы. Сошла бы за умную.

– Вот семеро смелых! – провозгласил вождь. – Запомни их, друг мой. Наверное, их потом накажут. Но такие, как они, проложили твоему народу дорогу к

звездам!

Тунгуса так разобрало, что он даже руку положил мне на плечо, а другую эпически простер Чернецкому вослед.

Я ничего не понимал, кроме того, что вождь, в отличие от меня, все понимает.

Честно говоря, я не мог в тот момент нормально исполнять служебные обязанности, поскольку боролся с приступом паники.

Вождь пришел по вопросу, как я уже говорил, внутренней политики: он настоятельно советовал мне сделать ребенка его младшей дочери, прекрасной Унга?ли. Тунгус знал, я буду против, а я вдруг подумал, что очень даже «за» – помирать так с музыкой.

Тут мне и стало дурно, впервые по-настоящему дурно за эти безумные полгода, когда на глазах развалилось все, и прахом шли былые достижения, и смерть дышала в затылок каждый божий день… Мы метались в поисках выхода, делали глупости, нарушали правила, теряли товарищей, это было естественно, и тогда я не чувствовал страха. Теперь – когда стало ясно, что полетела к черту моя профессиональная этика, – испугался. Значит, край настал. То ли сдают нервишки, то ли я чую, как близко погибель, и мечтаю хоть под конец побыть нормальным человеком, которому можно просто влюбиться и не обманывать себя, будто он ходит во дворец вождя исключительно по долгу службы.

Помнится, когда меня тут заподозрили в жестоком убийстве с особым цинизмом, я не испугался вовсе, было просто грустно и немного даже смешно. А сейчас накатило – хоть плачь.

А великий вождь Унгусман, папуас этакий, не боится ничего, он считает, что у нас временные трудности и русские с ними совладают. Если не будут мешать своим героям, то совладают прямо сегодня.

Мы уже сами в себе разуверились, а инопланетянин – верит в нас.

Спасибо ему, конечно.

Тяжелая рука вождя лежала на моем плече, и профессионал во мне требовал анализировать это, а человек просто впитывал доброе тепло и пытался думать о хорошем.

А семеро смелых, растуды их туды, полезли в конвертоплан.

Глава 1

Пятью месяцами раньше, 11 февраля того же года, зона высадки экспедиции МВО РФ

Полковник Газин дождался, пока снаружи осядет пыль, и сошел по аппарели так величественно, что впору было нести за ним красное с золотом. Русское боевое знамя, например.

За бортом челнока стояло жаркое марево, воздух дрожал и колыхался, солнце било из зенита, ярко вспыхнули звезды на погонах, – и я представил, как следом за полковником спускается знамённая группа с шашками наголо. Внушительно, черт побери. Местные оценили бы. Аборигены знают толк в воинских ритуалах.

Нашему сводному отряду знамени не полагается. Газина это скорее устраивает: не надо охранять, нет шансов потерять. А если обстановка потребует, русский солдат всегда может сделать флаг Сухопутных войск из подручных материалов – простыни и крови. Полковник говорит, что именно такое полотнище должно, если по-честному, развеваться над полем выигранной битвы. Постельное белье – наше, кровища – их.

Кто его знает, может, и не шутит.

Силуэт полковника на краю аппарели расплылся – господи, как же там жарко. Челнок сел точно в центр «сковородки» – черного выжженного пятна, оставшегося еще от корабля разведчиков. Ради защиты окружающей среды, а на самом деле, чтобы все садились не там, где им понравится, а там, где удобно нам, пятно назначили космодромом. Его укрепили, залив огнеупорной смесью,

оно теперь гладкое и блестящее и с началом местного лета превращается в натуральную адскую сковороду.

Коллеги из одной дружественной страны потратили два литра виски, чисто по-приятельски допытываясь у меня, правда ли, что под «сковородкой» русские зарыли бомбу. Когда оба заснули на столе, я догадался: ну какая бомба, хватит и того, что место пристреляно.

Кто знает, может, так оно и есть.

Тем временем полковник замер, приготовившись сделать исторический шаг – опять, в третий раз уже, ступить на планету, у которой до сих пор нет официально утвержденного названия. Пока ничего не ясно, англоязычные говорят «Терра Нова», а русские – «Зэ-два».

Многие были бы рады услышать «окончательное решение ООН по аборигенам», но принять его верховная бюрократия Земли не может, потому что инопланетная бюрократия великого вождя Унгусмана забодала ее с разгромным счетом. Кто бы мог подумать, что туземный мелкий царёк – ну ладно, мужик-то он здоровый, – перессорит между собой могущественных землян. И наша славная раса звездопроходцев и строителей поведет себя, как шайка проходимцев и стяжателей, которым только бы нагадить ближнему в карман. А долгожданная встреча братьев по разуму превратится в унылую профанацию контакта, затянувшуюся на годы. С сопутствующими политическими играми, драками под ковром, перетягиванием одеяла и прочим идиотизмом. И стойким ощущением, что, пока мы пытаемся изучать туземцев в разрешенных нам пределах и продвинулись, мягко говоря, не очень, сами туземцы изучили нас вдоль и поперек, взвесили, обмерили, сделали выводы и менять своего решения по землянам не собираются.

Аборигены просто не понимают, в чем наша проблема, и ждут, пока мы возьмемся за ум. Они тут умеют ждать, для них сотня лет вообще не срок. Но все, что можно сделать быстро, они делают очень быстро, и им странно видеть, как мы на ровном месте тормозим.

Они считают, что русские – славные ребята, но идиоты тоже изрядные.

Полковник Газин подозревает, что примерно так же к нему относится подполковник Брилёв.

По мне, так оба хороши.

По случаю высадки Газин чуть было не назначил всем парадную форму одежды, но начальник штаба майор Мальцев вовремя напомнил, что на «сковородку» в голой степи за полкилометра от нашей базы наносит ветром сухую землю и песчаный смерч от выхлопа челнока гарантирован. Полковник вздохнул и приказал надеть «парадку» Мальцеву, управлению отряда и себе. Остальных пожалел.

– Я же не зверь какой, – объяснил он. – Но чисто по-нашему, по-военному, надо коллегу уважить. Брилёв тут скучал полгода, а мы такие прилетели, а он такой на радостях сапоги начистил, личный состав отымел, территорию подмел, а мы такие выбегаем в камуфляже – здорово, Боря, передавай дела! Нет, товарищи, так не годится!

– Боря мог бы и космодром подмести тоже… – буркнул, не подумавши, Мальцев.

А когда подумал, заметно изменился в лице.

Газин тогда прикинулся, что не расслышал, но, помнится, глаза у него прямо загорелись. Подметать космодром, и желательно вручную, идея очень богатая, полковник ее оценил.

Будет теперь, чем заняться нашим славным воинам, если проштрафятся…

А сейчас полковник совершил исторический шаг.

Ну, всё, здравствуйте, с этого момента мы официально прилетели.

Как здесь говорят – придваземлились.

Вниз по аппарели компактной группой двинулось управление отряда и примкнувший к нему командир взвода спецназа.

Торжественная церемония передачи вахты состоится завтра, а сегодня просто встреча и доклад. Подполковник Брилёв подойдет к Газину строевым шагом, бросит руку к козырьку… А Газин будет делано улыбаться, подозревая: опять над ним творят утонченное издевательство, до того изысканное, что фиг поймешь. Злые языки шепчут, что он всегда так думает, когда Брилёв отдает ему честь, последние лет тридцать, прямо с училища. Ибо Брилёв высок, хорош собой и интеллигентен, а Газин – коренаст, лицом квадратен и в целом простоват. Все остальное, включая боевые заслуги, не играет роли. У них личное. Высокие отношения.

Потому-то бравый полковник сейчас не в степном камуфляже, а в зеленом кителе. Он еще и выпятит грудь, чтобы новенький орден бросился коллеге в глаза. Короче, уважит.

Еще на орбите заметно было, как Газин соскучился по всему этому.

– И вообще – положено, – сказал он. – Я же не зверь какой, но хотя бы управление отряда должно выглядеть. Символизировать должно! А вы, советник, как сочтете нужным. Не смею настаивать.

Я немного поразмыслил – и не счел нужным символизировать, то есть доставать из чемодана мундир. Замучаешься потом возиться с пылесосом. У меня, в отличие от некоторых, нет штатного порученца. Я вообще прикомандированный и один-одинешенек, единственный в своем роде специалист. Поэтому в отряде меня считают разведчиком. Даже начальник разведки майор Трубецкой. Но военные хотя бы стараются держаться в рамках, а научники – не стесняются… А ведь если подумать, вот биолог Белкин – тоже не военный и тоже в количестве одного организма, и физиономия у него хитрая, я бы сказал, подозрительная; или вон лингвист Сорочкин – одна штука, гражданский до отвращения, болтлив и суетлив, но их никто не принимает за шпионов, а они меня – да. Где логика?..

Управление спустилось на «сковородку». Следом должен был идти, наверное, я, но меня случайно подвинул наш русский народный аэромобильный оперативно-тактический военный священник типа «поп» отец Варфоломей. При его габаритах оказаться впереди получается само собой, достаточно батюшке шагнуть, и он уже, как говорится, под корзиной. Газин, когда в духе, зовет попа «отец Варкрафт». А когда не в духе, по-разному. К концу прошлой командировки было и «отец Варежкузакрой». Батюшка обиделся и настучал на полковника в Министерство внеземных операций, а МВО, недолго думая, переслало жалобу в

епархию. Не знаю, какими словами ее сопроводили, но начальство нашего бравого служителя культа приказало ему не бузить, а закрыть варежку. Газин потом его утешал.

Батюшка хороший.

И Газин, в общем, хороший, уж точно не зверь какой.

Да мы тут все ничего. Только черт знает, чем нам заниматься на «Зэ-два» следующие полгода, если обстановка не прояснится. В основном мы демонстрируем на планете русский флаг, которого у нас нет…

Отец Варфоломей тоже не счел нужным выпендриваться. Он был в степном камуфляже и наградной фиолетовой скуфейке. Как всегда, ему в этом образе чертовски – прости, господи, – не хватало автомата, а с учетом богатырских размеров батюшки – пулемета. Штурмовик из отца Варфоломея так себе, слишком крупная и заметная мишень, а пулеметчик выйдет знатный. Говоря по чести, я не очень понимаю, отчего армейский священник не носит оружия, ведь по Уставу, если прижмет, батюшка исполняет обязанности полевого медика, а полевой медик, в свою очередь, когда прижмет совсем, начинает убивать со страшной силой направо и налево. Так что видится мне во всем этом некая – еще раз прости, господи, ибо лезу не в свое дело, – незавершенность образа. Заметьте, я не сказал «фарисейство». Мне так выражаться на работе не положено.

Я всегда на работе.

Даже когда сплю.

Прямо как разведчик, ей-богу…

Тут меня деликатно потрогали за плечо.

– Ваш выход, сэр! – сказал доктор Шалыгин.

Главврач отряда чем-то неуловимо схож с отцом Варфоломеем: он тоже мужчина крупный и плечистый, да еще и агрессивно стриженный под ноль. Только

батюшка всех подавляет, а доктор – воодушевляет. Наверное, разница в том, что у батюшки глаза добрые и пытливые, словно он тебя вот-вот на исповедь потащит, а у доктора – просто добрые. Поразительно уютный человечище.

Разумеется, Шалыгин был в полевой форме, а за ним стояли и ухмылялись наши гражданские летчики, Чернецкий и Акопов, оба в простых комбинезонах и пилотках.

– Сэр советник, кажется, забыл зонтик, – сказал Чернецкий.

– Злой ты, – сказал Акопов. – А человек буквально горит на работе.

– Ну такая хреновая работа. Как говорят французы, – чтобы быть красивым, нужно страдать!

Вот же язвы. Хорошо им, летные комбинезоны – с климатическими модулями. И доктору уютно в степном камуфляже с принудительным рассеиванием избыточного тепла. А я – красивый, да в костюме и при галстуке. Костюм светлый, но тем не менее это костюм.

С другой стороны, Газину, например, сейчас еще жарче, чем мне. А мой гражданский ранг государственного советника первого класса равен воинскому званию «полковник». Могу и помучиться немножко за компанию.

– Французская пословица – чтобы быть красивым, надо родиться красивым, – поправил я. – А чтобы выглядеть красиво, надо страдать!

И пошел вниз по аппарели, волоча за собой чемодан, заранее изнывая от жары, сухого ветра, песка на зубах, воинских ритуалов, бюрократических формальностей и безнадежности нашего дела.

– Вовсе я не говорил, что вы некрасивый! – крикнул Чернецкий мне в спину. – Даже и не думал!

Тоже славный парень и редкой деликатности человек.

Солнце жахнуло по темечку, я зажмурился, чтобы не ослепнуть, и полез в карман за темными очками. Не успев еще ступить на «сковородку», я уже мечтал о том, как спрячусь в домике дипмиссии. Тяжеловато здесь с отвычки, мы все же северный народ, хотя бы психологически. Говорят, человек приспосабливается к чему угодно за полтора месяца. Я тренированный и адаптируюсь за неделю, но это не значит, что неделя будет легкой.

Господи, ну и пекло. Сверху – местный желтый карлик, снизу – наше огнеупорное покрытие, между ними я на глазах превращаюсь в котлету.

Нет, я все-таки не настоящий полковник. Газин вон стоит и даже не дымится.

Я посмотрел вперед – и вдруг стало хорошо. И спокойно-спокойно.

– Можете считать меня таким сентиментальным идиотом, – прогудел, не оборачиваясь, Газин, – или таким больным на голову патриотом… Но до чего же здорово, товарищи, когда ты летел-летел на звездолете, вышел такой на далекой планете, и первое, что увидел, – изделие Курганского завода!

– С кондиционером! – ввернул Мальцев.

От базы к челноку катили бэтээры – родные, как не узнать, наши. Сколько я на них ездил, пока срочную служил.

Они шли, выстроившись уступом, приминая высокую степную траву, слегка пыля, и была в их ровном плавном движении какая-то поразительная уверенность, будто так и надо: двадцать световых лет до Земли, а мы тут на работе.

И вроде я совсем не вояка, а действительно – здорово.

Будем жить.

А еще, как верно заметил «энша», в изделиях Курганского завода стоят кондиционеры.

– За мной! – скомандовал Газин. – А то зажаримся. Построение – там!

Спаситель ты наш, отец родной, что бы мы без тебя делали.

До края «сковородки» была сотня шагов, и мы это расстояние преодолели очень быстро, даже с некоторой резвостью. Стоило всего-то сойти с черной плеши, и оказалось, что на далекой планете более-менее можно дышать. Под ногами похрустывала сухая бурая земля в паутине трещин, чуть впереди уже пробивалась трава, все выше и выше, постепенно становясь ковылем вполне земного вида. Он тут по всей степи растет кочками и достигает метра, а то и полтора. Ценный ковыль, идет на ткани, плетеные вещи и некое подобие бумаги. Ну и жутковатые местные лошадки им не брезгуют. Мы имеем право мять и топтать ковыль невозбранно только в направлении от города к космодрому.

Управление подравнялось, из челнока организованной толпой валил народ, пробегал по «сковородке» и вставал в две шеренги чуть позади нас. Я, сиротинушка, не пришей кобыле хвост, приткнулся к управлению с краю. Рядом почему-то стоял отец Варфоломей, и его даже еще не прогнали. Он в первые дни вахты тихий и никого не раздражает.

– А я что тут делаю? – удивился батюшка, обнаружив меня где-то под мышкой.

– В каком смысле? Если в метафизическом – это ваш крест, наверное, а сейчас впереди стоите – потому что вас неодолимо потянуло с борта на твердую землю.

– Соскучился, значит, – буркнул отец Варфоломей смущенно.

И встал в первую шеренгу сразу за мной.

– А земля тут добрая, – сказал он.

Я посмотрел чуть правее, охватил взглядом пейзаж – и поймал себя на том, что расплываюсь в улыбке.

Полгода нам тут фигней страдать – а я, кажется, счастлив.

Да, жарко. Да, пыльно. Что поделаешь, разгар лета, через пару месяцев полегчает. Зато вот она, база экспедиции. Два десятка легких домиков – и один из них мой на ближайшие полгода, – склады, казарма, санчасть, кухня,

лабораторный корпус, пост дальней связи, энергоблок, аэродром с контрольной башней, рядом техника стоит, вижу любимый конвертоплан Чернецкого и монструозный подъемный кран Акопова… А дальше, ближе к горизонту, сверкает изгиб реки, вдоль него – едва различимая в знойном мареве линия орошаемых садов, и следом поднимается глинобитная стена города. Это столица династии Ун, самого мощного оседлого клана аборигенов.

Здесь живут хорошие люди, и они нам будут рады.

Всё на месте. Всё как надо.

Начинаем работать.

– А это кто еще? – спросил Газин, приложив ладонь к козырьку фуражки.

На броне головного бэтээра сидел некто в расписной тоге. На миг мне показалось, что это великий вождь – цвета-то издали поди разбери. Целую секунду я прямо не знал, как реагировать, пока начальник разведки майор Трубецкой не сделал, что ему положено и что сделал бы сам Газин, окажись он здесь без подчиненных.

Майор достал из сапога планшет и уставился на машину сквозь него.

Тут и я догадался выкрутить увеличение на очках.

– А это Гена катается, – сказал майор.

Газин коротко глянул вверх.

Ну да, это у нас у всех машинальное – а где сейчас мониторинговый спутник ООН. Не разглядит он человека на крыше машины, но все равно ведь мы нарушаем параграф какой-то резолюции такой-то о недопущении и предотвращении культурного влияния. А попробуй тут не повлияй, да мы только этим и занимаемся, даже когда совсем не хотим. А когда хотим, действуем тихо и аккуратно, добавлю я. Ну и, как дипломат, я бы никому не советовал пытаться согнать с машины чиновника династии Ун, если тот вздумал на ней прокатиться по своей родовой земле. Готов поспорить, этот парень не только ради

удовольствия на броню влез. Он просто так, без подтекста, ничего не делает. Тоже дипломат. Всегда на работе.

– А почему он в форме? – удивился полковник.

Уморительные люди военные, но, строго говоря, Унгеле?н – для русских друзей просто Гена – действительно надел не что-нибудь, а форму. Парадную для строя, точно как у нашей первой шеренги. Будто знал.

– Вырос мальчик, – коротко объяснил Трубецкой.

Газин оглянулся и нашел меня.

– Три месяца назад Унгелен и Унга?ли были посвящены в младшие вожди, – сказал я. – Детство кончилось.

– Спасибо, мне уже доложили, – буркнул полковник сварливо. – Я обнять-то его могу теперь? Как там по местному протоколу?

– Можете. И даже Галю – в щечку чмокнуть.

– Точно?

Благодаря темным очкам я смог безнаказанно закатить глаза.

– Точно.

Газин всегда меня на людях переспрашивает. Дает понять, что не вполне доверяет моей информации. Ему это доставляет удовольствие.

Ну был у нас небольшой конфликт, даже не конфликт и даже не выяснение отношений, а так, обозначение позиций, расстановка фигур на доске. Третий год меня за это шпынять – вот же делать нечего человеку.

По виску полковника сбежала тонкая струйка. Все-таки и ему напекло под фуражкой. Да, жарко. Здесь летом всем жарко, не только нам. Неспроста

аборигены черные как смоль.

Им это, кстати, чертовски идет. Очень красивая раса, некоторые ее официальные представители даже чересчур; трудно с ними работать, ты просто не замечаешь, где кончается деловое отношение и начинается личное.

Отчасти утешает то, что аборигенам тоже непросто держать с нами дистанцию. Русские, на взгляд местных, далеки от эстетического совершенства, зато неотразимо обаятельны – так и хочется потрогать руками. В чем загадка, мы не понимали, пока не увидели зверей, играющих тут роль домашних кошек. Оказалось, эти твари мурлычут в той же тональности, что мы говорим, да еще и ухмыляются совсем по-нашему, словно пародируя сдержанную улыбку среднего россиянина, который так и не научился скалиться во всю пасть.

Нас здесь полюбили буквально с первого взгляда, а когда узнали получше, начали и руками трогать, нельзя было спокойно по городу пройти. Непривычно, но чертовски приятно.

У великого вождя одно время даже была теория, что русских к нему нарочно таких симпатичных подослали.

Кстати, о великом вожде. Мне же вечером во дворец идти. Во дворце все хорошо с вентиляцией, но вокруг – качественно прогретый город. И я – посол без верительных грамот – в костюме без кондиционера… Мокрый, хоть выжимай. Душераздирающее зрелище.

А там мало того что ехидный Тунгус, так еще и милая Галя.

Тунгус будет ржать надо мной, а Галя – переживать за меня. И то и другое очень трогательно, но никуда не годится.

Видимо, придется мундир надеть. Мне в мундире неуютно, я кажусь себе нелепым и еще более неуклюжим, чем всегда, зато в нем климат-контроль…

Впереди невнятно ссорились. Потом вдруг повысил голос начальник штаба.

– Доведено было всем! – громко, чтобы слышали в задних рядах, сказал Мальцев. – А кто проигнорировал – скоро будет видно! А когда увидим – накажем!

– Да куда еще-то – и так сам себя накажет, идиот, – проворчали за моей спиной.

– Это кто здесь такой умный? – не оглядываясь, елейным тоном поинтересовался Мальцев.

Ответом ему было гробовое молчание. Слышно было, как хрустит, остывая, челнок и негромко урчат, приближаясь, бэтээры.

– Отсутствие наказания влечет за собой рецидив! – отчеканил Мальцев. – А своевременно наложенное взыскание – оно не только исключит повторное нарушение, но и послужит общему вразумлению безответственного субъекта! Ибо сказано: «Глупость привязалась к сердцу юноши, но исправительная розга удалит ее от него!»

– Ух, шайта-ан… – восхищенно протянул кто-то, чуть ли не сам полковник.

– Вот батюшка подтвердит! – не унимался Мальцев. – Верно я рассуждаю, батюшка?

– Воистину! – не своим голосом доложил отец Варфоломей поверх моего плеча – я едва не оглох на левое ухо.

– Это они о чем вообще? – заволновались сзади.

– Да про крем для загара. Или от загара, кто его разберет. Лично я намазался. А ты?

– Естественно!

Я с трудом сдержал ухмылку. Начальник штаба совсем не любит наказывать подчиненных. Поэтому он их запугивает. Получается, надо сказать, неплохо. Мало желающих испробовать на себе «исправительную розгу». Военные стремятся попасть на «Зэ-два» ради щедрых «внеземельных» и двойной выслуги

лет. Будешь плохо себя вести – накроется твоя следующая вахта, и все дела.

– Внимание! – скомандовал Газин.

Машины подъехали, из кондиционированного брюха головного бэтээра выбрался подполковник Брилёв, свежий и прохладный даже с виду, в камуфляже, но все-таки при фуражке. Унгелен спрыгнул с брони и встал, улыбаясь, рядом. Мама дорогая, да он за эти полгода, что мы не виделись, успел вымахать почти вровень с подполковником.

– Равняйсь! Смирно!

Газин выпятил орденоносную грудь, Брилёв отчеканил положенные три шага, вскинул руку к виску, рявкнул «Товарищ полковник!» и забубнил, что у них там положено. Унгелен издали кивнул мне и теперь переглядывался с кем-то во втором ряду. Зачем он здесь? Или что-то случилось, или надо передать личное сообщение от великого вождя. Ничего страшного, иначе я бы еще на орбите все знал. Мне сообщил бы диппредставитель Костя Калугин, которого я меняю. Если он не звонит и сидит на базе спокойно – пустяки.

– Вольно!

Брилёв начал пожимать руки управлению. Еще несколько минут – и поедем… Унгелен стоит на месте, не лезет в наш протокол, старается выглядеть серьезно, хотя его так и распирает от веселья. Он искренне рад нас видеть. У него хватает приятелей в отряде Брилёва, но наша вахта – любимая. Мы ведь – «первая высадка», то есть первыми после миссии разведчиков прибыли на «Зэ-два» надолго и всерьез. Налаживали отношения с аборигенами, учили их, учились у них, подружились и далеко не сразу поняли, как много сделали для этого «Гена» и «Галя», Унгелен и Унгали, мальчишка и девчонка, чей важнейший вклад в контакт мы сдуру проглядели – ну дети же.

А теперь парню семнадцать лет, он не должен был так рано стать младшим вождем, мог еще погулять года три-четыре. Сестренке его шестнадцать, и тоже не стремилась лезть обеими руками в государственное управление, но отец попросил обоих по-хорошему. А отец таков, что, если просит, не откажешь.

Папаша Унгусман плечист и мордаст, ну так ему уже хорошо за полтинник, и все равно я рядом с ним чувствую себя форменным дуболомом, хотя великий вождь шире меня и выше. У него любой жест получается элегантным. Как он ставит ногу, как он идет походкой сытого, но все равно опасного хищника, это надо видеть. Как он поворачивает гордо посаженную голову и бросает на тебя царственный взор – этого лучше и не видеть никогда, комплекс неполноценности обеспечен. Сейчас, глядя на Унгелена, я впервые заметил, до чего мальчик похож на отца – значит, юный Унгусман тоже был хорош собой до неприличия, что по аборигенским меркам, что по земным.

Очень важно хорошо выглядеть, если ты вождь. В идеале верховный правитель должен быть самым красивым не только на своей территории и даже не на разведанных землях, а вообще в ареале своего биологического вида. Чтобы ты пришел, тебя увидели – и ты уже победил.

Местные в целом утонченно изящная раса, с четкими и правильными европеоидными чертами, а угольная чернота кожи придает этой красоте некоторую кукольность, из-за которой мы не сразу научились их различать в лицо. Ну манекены и манекены, клоны. Недаром они здесь все превосходные физиономисты, и искусство мимики и жеста развито у них невероятно и играет огромную роль в общении…

Тут как раз Унгелен поймал мой взгляд и лукаво подмигнул. Все гримасы землян, и отдельно русских землян, он знает великолепно. Дьявольски талантливый юноша.

Когда мы познакомились, он освоил наши манеры за пару месяцев, и на таком уровне, что впору испугаться. Во время моей второй полугодичной вахты на «Зэ-два» нам улыбался, подмигивал и строил глазки уже весь дворец, вплоть до последней уборщицы. Разведка скрипела зубами, Трубецкой ежедневно проводил инструктажи о бдительности и умолял Газина запретить детям вождя шляться по базе. Ну потому что явный же заговор: к нам втираются в доверие, и добром это не кончится… Позже я узнал, что одновременно Тунгус ломал голову, пытаясь сообразить, зачем русские втираются в доверие к его администрации, если им с этого никакой явной выгоды не светит, а неприятностей уже хватило.

Нерусских-то послал великий вождь, не понравились они ему.

Господи, ведь страшно подумать, сколько тут всего было за три моих командировки. Мы здесь целую жизнь прожили. И теперь вот Унгелен надел расшитую тогу, и на шее у него ожерелье младшего вождя.

Да, вырос наш солнечный мальчик. Официальное лицо! Не имеет больше права разгуливать с голым торсом в белых татуировках, по которому девицы на Земле прямо слюнями исходят. Интеллигентный дикарь – страшная сила. Даст бог, привезем Гену в Москву – надо будет как-то там поаккуратнее ему. Тем более он кто угодно, только не дикарь. Любой младший вождь династии Ун, по умолчанию, аристократ, каких у нас давно не делают, прирожденный управленец и хорошо обученный интриган в лучшем смысле слова. А конкретно Унгелен – переговорщик и толмач, ответственный за внешние связи. Все разведки Земли это учитывают и навалятся на инопланетного гостя не по-детски. Против него вступят в игру суровые профессионалки, которым минутное дело порвать юному красавцу все гештальты в лоскуты. Он просто будет не готов к такому. Этот вопрос уже обсуждался у нас в департаменте. Подберем Унгелену в скауты правильную барышню, парень от нее дальше сортира не уйдет, а она, заподозрив неладное, отошьет любую хищницу в два счета. На крайний случай недипломатично свернет ей челюсть.

Да, и о такой ерунде приходится думать тоже…

– Приветствую вас, советник.

– Здравия желаю, товарищ подполковник.

Брилёв со мной одного роста, но умудряется глядеть сверху вниз. Это означает, не больше и не меньше, что на тебя смотрит прирожденный военачальник, а ты знай свое место, «пиджак». Не представляю, как бы я с Брилёвым сработался. Если Газин умеет удивлять, то этот – напрягать.

– Личная просьба. Будет случай – намекните советнику Калугину, что он склочник и засранец, но я не в обиде. Вот прямо так и намекните.

Пока я соображал, как бы намекнуть товарищу военачальнику, что все его докладные на Калугина в МВО были там зарегистрированы и без рассмотрения направлены к нам в МИД, а шеф департамента с ними ознакомился и на каждой оставил резолюцию: «Очень познавательно. В архив!», подполковник уже

удалился.

– Разойдись!

Ну разошлись. Газин хлопнул Брилёва по плечу, тот подергал коллегу за орден и уважительно цокнул языком; сейчас будем рассаживаться по машинам, а челнок – на второй рейс, здесь еще только половина наших.

– Смотрю, ты совсем обжился, – сказал Газин. – Помойку даже устроил.

– Это не помойка! – Брилёв мигом надулся. – Это хранилище твердых бытовых отходов.

– Кто бы мог подумать! А сверху – такая неорганизованная куча мусора…

– Там есть табличка. Написано: «Хранилище ТБО».

– Если это выглядит как помойка, значит, такая помойка. Да кончай ты переживать.

– А что я еще могу?..

– Ну ты хотя бы нарисовал табличку. Я ее сохраню как память. Боря, поздравь меня, я все уладил. Пока ты здесь такой прохлаждался, я такой обивал пороги в министерстве… Ладно, ладно, не злись. В общем, погрузим твою помойку такую-растакую на челнок, поднимем и выбросим с низкой орбиты. Пускай горит. Красиво и экологично.

– Это ты молодец, конечно… – Брилёв замялся. – Но спешить не надо.

– Что еще такое?

– Отойдем. Ты сажай людей пока.

– По машинам!

Командиры отошли в сторонку и принялись шептаться. Естественно, все управление сделало вид, что пропускает вперед личный состав, а само обратилось в слух с применением технических средств.

Я пожал плечами и двинулся к бэтээру. Мне, конечно, не скоро расскажут, в чем дело, но рано или поздно узнаю.

Наверное, сломали чего-нибудь и докладывать не стали, а теперь оказалось, что починить не могут.

Давно пора. Это же армия. Она что угодно может сломать.

Впереди кто-то взвизгнул, обжегшись о раскаленную броню.

Унгелен уже здоровался с отцом Варфоломеем, вернее, почти исчез в его медвежьих объятьях, а батюшка украдкой перекрестил молодого человека со спины. Выглядело это трогательно и комично.

Я поставил чемодан и сделал церемониальный жест встречи после долгой разлуки – руки на уровне пояса ладонями вверх. Добра тебе, Унгелен, все мое – твое.

Унгелен ответил, я напрягся. Младший вождь приветствовал меня слегка не по рангу. Он теперь на ступеньку выше, а здоровается – по-прежнему, как с равным. Не привык еще? Да ну, ерунда, здесь в таких вещах даже дети не ошибаются. Ладно, потом уточним.

Мы наконец-то по-человечески обнялись. От Унгелена пахло городом и дворцом – благовония, вяленое мясо, бодрящий напиток из забродившего молока и едва заметная отдушка сладковатого аборигенского пота.

– Тебе идет эта одежда, вождь.

– Мне не идут эти заботы, советник! Совсем не остается времени.

– Помнится, то же самое ты говорил в прошлую нашу встречу.

Унгелен одарил меня лучезарной улыбкой, из-за которой разведка считает парня страшным пройдохой и законченным манипулятором.

– Я тогда еще не знал настоящей работы вождя, – сказал он. – Теперь стало действительно трудно… Да, Галя просила тебя поцеловать, но, думаю, вы лучше сами. Она очень заинтересовалась этим обычаем. Увидела в каком-то фильме про любовь. Смотрит всякую ерунду, вместо того чтобы учиться полезным вещам.

– Как она?

– Еще красивее. И тоже очень занята.

– Ты-то зачем сюда примчался? Чтобы заставить меня волноваться, а потом даже не поцеловать?

Унгелен пару раз приглушенно гавкнул, оценив шутку. Смеяться по-нашему он умеет, но ленится. Его забавляет, как мы реагируем на местный лающий хохот.

– Почему – волноваться?.. Если бы случилось важное, тебе давно позвонил бы советник Калугин.

Ну все-то он понимает.

– Я бы сам ему сказал, – добавил Унгелен, заметив мою невольную ухмылку. – Ты же меня учил. Нет, все хорошо. Но совсем нет времени, и вот я здесь. Андрей, к кому мне обратиться, чтобы я прямо сейчас мог забрать Лешу? На торговом дворе стоит караван с дальнего юга, скоро они уходят, надо спешить… Леша! Здравствуй!

Лингвист Сорочкин все это время болтался в почтительном отдалении позади меня и не торопился лезть в машину. Догадался, значит, что Унгелен тут по его душу. Я спиной чувствовал присутствие Сорочкина, и оно мне не нравилось. Очень надеюсь, это не ревность.

– Сейчас решим вопрос.

Я отошел, успев с глубоким удовлетворением заметить, что Сорочкина вовсе не удостоили даже подобия церемониального приветствия. Руку пожали, обняли, улыбнулись, выразили неподдельное счастье от встречи, и только. На уровне личного контакта эти двое – старые добрые приятели, и Унгелен высоко ценит Сорочкина как своего наставника. Они, два прирожденных словесника, что называется, «нашли друг друга». Каждую командировку Сорочкин привозит для парня какие-то немыслимые терабайты обучающих программ и грозится сделать из него языковеда вселенского масштаба. Но статусно «друг Леша» – никто для «друга Гены», полезная мебель.

Это важно. Леша может сколько угодно быть консультантом Унгелена, но никогда не станет агентом влияния. Его просто не услышат. Не знаю, на какую из наших контор Сорочкин работает, в одном уверен: он не кадровый, а вербованный. Ну и пускай туда постукивает. Главное, что он даже не подумает стучаться аборигенам в головы. Собственно, это сам Леша первым и установил: бесполезно и опасно ловить местных на нейролингвистические крючки, туземцы сразу закрываются, чуя подвох. Глубокое программирование вообще невозможно. Аборигены чуют правду, на каком бы языке ты с ними ни говорил. На «Зэ-два» нельзя быть неискренним – расколют в два счета и лишат доверия.

Уважаемые зарубежные партнеры – сначала делегация ООН, потом миссии отдельных государств – как раз на этом погорели. А ведь мы их предупредили, что местным врать нельзя.

Но не смогли они, не смогли.

Здесь особый метод общения, все очень прямо и открыто, но стоит зазеваться – и об стенку лбом. Например, здесь не «болтают» в нашем земном понимании. Культура салонной беседы и small talk отсутствует напрочь. Это приводит в восторг полковника Газина, который если кому и позволяет трепаться, то разве что себе любимому. Но потом ты понимаешь: вовсе он не чесал языком, а много важного сказал… А вот и полковник, легок на помине.

– Почему не грузимся? Ускорить готовность!

Газин выглядел так, словно вот-вот лопнет, то ли со смеху, то ли от злости. И управление отряда рассаживалось по машинам, имея лица загадочные до невозможности. Ну и слава богу. Значит, наши неприятности скорее комические,

чем трагические. А какие именно – проболтаются товарищи офицеры, никуда не денутся.

– Гена спрашивает, можно ли ему забрать Сорочкина.

– С целью?..

– С филологической. Пришел караван с дальнего юга, Гена давно хотел разобраться с их диалектом, он какой-то особенный. Ну и для нас это важно, мы южан-то едва знаем, пускай Сорочкин к ним приглядится.

– Поражает меня ваша наивность, советник.

– Я не наивный, я коварный. Надо вести себя так, будто у нас плохо с информацией и мы рады любой возможности. А чтобы выглядеть убедительно, следует верить в то, что говоришь.

– Поражает меня ваше лицемерие, советник!

Чего у полковника не отнять – за словом он в карман не лезет.

Я постарался лицемерно хмыкнуть в ответ.

Газин не оценил мои актерские данные, он думал о своем и глядел мимо.

– Такие дела… – сказал он наконец. – И что делать?

– С Сорочкиным? Да пускай включится – и дует на торговый двор. Все равно ему в город через базу ехать.

«Включится» – это в нашу местную сетку. Хорошая сетка, военная, никакой приватности, все на виду. Поначалу с непривычки чувствуешь себя голым, зато точно знаешь, что в любой неясной ситуации достаточно испугаться, и прибегут ребята с автоматами. Хотя бы тело спасут для погребения.

– Да не с Сорочкиным. Кому он нужен, ваш драгоценный Сорочкин такой-разэтакий!

Ну вот, опять началось.

Когда мы заметили, что аборигены на редкость переимчивы, легко усваивают язык, а особенно им даются наши мимика и жесты, каждый в экспедиции трактовал это сообразно личным компетенциям. Этнографы и лингвисты просто радовались. Начальник разведки увидел заговор – и боялся. А полковник Газин заволновался, как бы случайно не научить туземцев плохому. Особенно такому плохому, которое сразу видно, и нам будет стыдно. В смысле – полковника выдерут сначала в Министерстве внеземных операций, а потом в Министерстве обороны. Накрутив себя до белого каления, Газин поклялся, что, если какая-нибудь падла додумается показать местным средний палец, он этот палец лично оторвет. И буквально назавтра мне пришлось выручать Сорочкина. Полковник увидал, как детвора, играя у реки, тычет друг другу нечто, похожее на «фак», а рядом крутится наш языкознатец, и, будучи человеком слова, погнался за Лешей с пассатижами. А Леша, струхнувший несколько более, чем допустимо в приличном обществе – у него натурально глаза на лоб вылезли, – бежал мимо моего домика. Я поймал ученого за шкирку, заслонил собой и заявил Газину, что его поведение меня огорчает. Потому что бегущий полковник в мирное время вызывает смех, а в военное – панику. И вы, мол, товарищ, умудрились запугать до истерики опытного полевого исследователя, который всякое в жизни видал. То есть русский офицер для него страшнее дикого зверя. Это перебор. У меня дипломатический иммунитет, и если вы, сударь, не перестанете издеваться над гражданским персоналом, я буду вынужден предоставить Сорочкину убежище… Такой сногсшибательной новости хватило на целых полминуты; как раз я успел впихнуть Лешу в дипмиссию, а полковник – отойти от шока и вернуть себе дар членораздельной речи. Тут уж он много чего сказал и был до того убедителен, что я почти обиделся. С тех пор Газин мне не доверяет и считает, будто я симпатизирую Сорочкину. Это несправедливо: я по работе обязан всех любить, но в Леше есть что-то такое, что раздражает и настораживает. А недоверие ко мне полковника – дело понятное: я бы тоже не сильно радовался, имея в составе отряда человека, которого нельзя расстрелять даже по закону военного времени. Шлепнуть, как собаку, можно, а легитимно вывести в расход – фигушки. Полковник это знает и терпит, ему просто страшно не понравилось, что я сам напомнил о своем особом статусе.

С другой стороны, я человек органически незлобивый и ко всем с открытой душой. А вот мой сменщик Калугин – настоящий дипломат, мягко стелет, да жестко спать, – и интеллигентнейший подполковник Брилёв пишет на него в среднем по одной докладной в месяц…

– Сорочкин нужен Гене, – напомнил я.

Унгелен, этот министр туземных иностранных дел, даже не пытался делать вид, будто не подслушивает. Он стоял, навострив уши, и ухмылялся во всю физиономию.

– Вырос, – сказал полковник. И сокрушенно вздохнул.

Церемониальное приветствие Газин исполнил так легко и естественно, словно вырос тут, во дворце. Передача официального приглашения на прием от великого вождя тоже прошла без сучка без задоринки; я прямо любовался нашим командиром. Может, когда хочет! Потом они с Унгеленом хлопали друг друга по плечам и спинам, растроганно бормоча «Ну, здравствуйте, товарищ полковник!» и «Здравствуй, товарищ вождь!». Потом товарищ вождь уважительно потрогал новый орден на товарище полковнике и цокнул языком.

– А ты думал!.. – непонятно, но убедительно объяснил Газин.

– Да я понимаю! – со стопроцентно аутентичной земной интонацией отозвался Унгелен.

Ну прямо русский парень Гена, только черненький. Судя по выговору, урожденный москвич.

– А как Галочка?

– Стала еще красивее. Просила меня поцеловать Андрея, но я решил, они как-нибудь сами.

Вот же зараза, а?!

Газин оглянулся на меня.

– Наш советник – он тако-ой! С виду тихоня, а палец в рот не клади!

– Советник Русаков – хороший человек и пользуется неизменным доверием всего нашего рода, – очень мягко, почти воркуя, произнес Унгелен.

Газин чуть не поперхнулся, но мигом взял себя в руки.

– Понял, – сказал он просто и кивнул.

Сообщение принято к сведению. Не вышло бы оно мне боком.

– Так… Гражданин Сорочкин. Благоволите заехать на базу и включиться, после чего работайте по своему плану. Не забудьте сухой паек и каждые двенадцать часов докладывайте оперативному дежурному.

«Гражданин Сорочкин» – каково? Умеет полковник выразить человеку все, что о нем думает, буквально парой слов.

Насколько я понимаю, ничем Сорочкин перед Газиным не провинился ни разу, просто у начальника экспедиции идиосинкразия на Лешу, необъяснимая, но сильная, вроде моей. Не стал бы он иначе бегать за ним с пассатижами. Такое проявление чувств со стороны полковника надо заслужить. Это у нас случается либо от большой любви, либо по причине крайнего нервного возбуждения.

– Всё, поехали! Гена, не лезь наверх.

– Ну това-арищ полко-овник… – заканючил младший вождь сильнейшего на планете рода, министр иностранных дел, эротическая мечта девушек далекой Земли и так далее.

– Слушай, тебе вообще ездить на бэтээре запрещено такой-растакой резолюцией Организации Объединенных Наций!

– Нет, это вам запрещено катать меня на бэтээре, вы цивилизованные и подчиняетесь своей ООН. А мы куда хотим, туда и лезем. Мы дикари и э-э… инопланетные папуасы! – парировал Унгелен. – Между прочим, если я поеду

внутри машины, это еще хуже – я могу случайно рассмотреть пушку или украсть отвертку, и у меня будет культурный шок!

– Как же я по тебе соскучился, папуас ты этакий! – произнес Газин с чувством.

– Мы все тоже, – сказал Унгелен негромко.

Газин резко посерьезнел и кивнул в ответ:

– Ладно, если свалишься – пеняй на себя! Отцу пожалуюсь!.. Советник, прошу за мной. На два слова.

Пока шли к машине, Газин молчал, что-то обдумывая, и только у самого люка его прорвало.

– Облегчаю вам задачу, – буркнул он. – Вы же станете докладывать обстановку по своей линии, так уж лучше сразу… Чтобы потом не говорили, будто я скрываю. А я не скрываю. Короче, чего Борис весь такой нервничает… М-да…

– У него что-то сломалось?

– Интегратор он потерял.

Пожалуй, я сильно переоцениваю себя, когда думаю, что ко всему готов.

Наверное, еще сказывается, что в экспедиции всегда был образцовый порядок, и мы привыкли к хорошему, расслабились. Забыли, что наша теплая дружная компания, несмотря на разношерстный состав и примерно двадцать процентов гражданских специалистов, все равно – армия. И по внутреннему регламенту, и по жизненному укладу. А вооруженные силы, дорогие мои товарищи, это такая интересная субстанция, которая должна себя проявить рано или поздно.

– Полевой системный интегратор, – уточнил Газин на всякий случай, поймав мой ошарашенный взгляд. – Не спрашивайте как.

Ну, что скажешь, молодцы.

Вообще, если задуматься, то потерять чемоданчик с интегратором в полевых условиях немыслимо, зато на базе – как раз не проблема. Уронили со стеллажа, поставили в угол от греха подальше, чтобы больше не падал, задвинули еще куда-нибудь при уборке, и все дела.

Или наоборот, он в одном из бэтээров лежит под сиденьем в полной готовности системно интегрировать работу войск, просто работы нет и не предвидится – и о нем забыли.

Наконец, он валяется на строительном складе или подпирает шкаф в санчасти. Не спрашивайте почему.

Лично я бы объявил учебную тревогу с выходом в запасной район. Тогда сразу всплывет все потерянное, и даже больше. Или все окончательно потеряется, что тоже, в общем, результат. Но мы здесь не проводим учебных тревог. Невероятно, но факт. У туземцев два раза в году нечто вроде строевого смотра, да еще Тунгус под настроение учиняет своим подданным внезапные проверки боеготовности – общий сбор ополчения и имитацию отражения набега кочевников с последующей массированной контратакой в конном строю. Я когда в первый раз увидел эту жуть, у меня чуть сердце не выскочило. Уж больно у них тут кони страшные и топают громко.

А у нас приказ сидеть тише воды ниже травы, чтобы не пугать аборигенное население. Которое само кого хочешь напугает. Да еще и намекает, как весело будет устроить совместные маневры с отработкой взятия условного противника в «мешок» и прохода группы бэтээров сквозь него на максимальной скорости. И непременно позвать наблюдателями вождей кочевых племен. Но поскольку мы дураки и явно не готовы осмыслить такую замечательную идею, оно еще подождет, пока мы немного поумнеем.

Трудно бывает говорить с аборигенным населением.

Надеюсь, это не оно спёрло у нас интегратор.

Лучше бы Брилёв его сломал, ей-богу. Пополам.

– Ну… Там же самоподрыв на пять километров, верно? Значит, он где-то поблизости. А то бы давно бахнул.

Газин сразу насторожился.

Пришлось напомнить, что я служил. Не очень помогло. Этот факт моей биографии полковник мгновенно забывает. Вытесняет из сознания. Не видно по мне, что я хотя бы теоретически мог быть солдатом, физиономия не та. Да и зачем солдату знать особенности настройки интегратора. Рядовому надо, чтобы все работало, – за это отвечает ротный системщик. А я обычный башенный стрелок, любознательный просто. Об армии не мечтал и даже не думал. Но чтобы попасть на дипслужбу, ты обязан пройти срочную в чине не старше сержанта, офицером-«пиджаком» не считается. И очень правильно. В войсках многому учишься. Дипломатии в том числе.

– Да примите вы его по описи – и забудьте. Через полгода сдадите тому же Брилёву…

– Узко мыслите, советник. За эти полгода Брилёв такой возьмет да на повышение уйдет! Просто нарочно, из вредности!

– Вот уж ничем не могу помочь. Так или иначе, от меня вредности не ждите. Хотя бы потому, что моему начальству этот пропавший чемодан совсем не интересен.

– Ну-ну… – протянул Газин.

– Пока он не взорвался, конечно, – уточнил я на всякий случай.

Из люка высунулся Мальцев:

– Командир, у нас все. Разрешите отпустить челнок за второй партией. И давайте уже тронемся, а?

– Отпускай.

Полковник оглянулся на «сковородку», окинул взглядом плоскую, как стол, ковыльную степь, почесал в затылке и уставился на меня:

– А вы чего здесь?

– Вот… прилетел, – несколько растерянно доложил я.

– Давайте такой быстренько в машину, вы что, сейчас поедем, только вас и ждем!

Да тьфу на тебя. Я забросил поклажу в люк и полез за ней следом.

Нормальной спокойной жизни нам оставалось ровно три дня.

Глава 2

На «рабочей стене» в домике дипмиссии мы когда-то рисовали от руки схему внутренних связей династии Ун. Раз за разом стирали отдельные фрагменты и чертили опять, иногда с проклятьями уничтожали весь свой труд подчистую и начинали заново. Я рисовал здесь, Калугин – параллельно на такой же стене в Москве. И оператор поста дальней связи бегал к начальнику штаба с жалобами, что дипломаты бессовестно жрут казенные ресурсы, а у него канал не резиновый. Приходил Мальцев, смотрел на стену, бормотал задумчиво: «Какая интересная структура… Ну просто все через задницу. Но глядите-ка, советник, если буквально через задницу – может и сработать! Я бы не стал показывать это нашему командиру. Вдруг ему понравится!» Немедленно появлялся Газин, вникал в схему и говорил: «Экая порнография. А если все проще? Допустим, они все трахают друг друга, папуасы такие? Хорошая, кстати, идея, надо взять на заметку, а то управление совсем расслабилось!» Много позже я узнал, что полковник обозвал нашу стену «стеной плача» и посоветовал оператору поста ДС не выпендриваться, потому что тот – простой связист, и хорошо ему, а мы – художники, и нам худо.

Теперь со стены прямо мне в глаза смотрела Унгали, черная на черном. Единственная и неповторимая звездная принцесса едва заметно улыбалась. Я с порога узнал эту улыбку, она была только для меня. Вдруг защемило сердце.

Калугин наглухо закрасил стену, а потом чем-то острым процарапал белые штрихи. Получилось сильно и убедительно.

– Это… когда? – спросил я вместо приветствия, не в силах оторвать взгляд от стены.

– Это на той пересменке, встреча во дворце, помнишь, я стоял чуть сзади – и поймал ее на камеру прямо из-за твоего плеча. Галке здесь пятнадцать, и смотрит она на тебя.

Я не глядя нащупал его руку и крепко пожал.

– Если бы она так на меня поглядела, я бы попросил у Тунгуса политического убежища, – добавил тактичный и деликатный Калугин, примерный муж и отец.

Я не счел нужным комментировать его безответственное заявление. Сам знает: Унгали может спать с тем, кого выбрала, и отец посмотрит на это сквозь пальцы, скорее даже благосклонно, как на тренировку перед взрослой жизнью. Но что-то серьезное нереально, если избранник не подходит по статусу. А с тех пор как Унгали посвящена во младшие вожди, лучше бы ей и мимолетных романов на стороне не иметь, младший вождь – это вам не шуточки, пускай он и девчонка.

– Погоди-погоди… – Я откатил чемодан в угол и присел на стол, к портрету спиной. – А почему я в первый раз вижу эту картинку? Ее не было в твоем отчете. Она же… Это должен быть потрясающий кадр!

Калугин пожал плечами и достал планшет из-за пазухи.

– Ничего так, – сказал он, листая страницы. – В полноцвете тоже неплохо. Вот, любуйся.

Кадр и правда был хорош. Он, конечно, не ударял прямо в душу, как портрет на стене, да и слава богу. Портрет у Кости получился не для общего пользования – сразу видно, что в него зашито нечто очень, даже слишком, чересчур личное.

А цветная картинка, попади она в наш департамент, тут же пошла бы в дело, и земляне стонали бы от восторга.

Мы, помимо текущих задач, работаем над позитивным образом аборигенов «Зэ-два». Никто уже не понимает зачем, но отмены приказа не было.

Мы вообще-то здесь работаем, да.

В основном через задницу – спасибо, что в переносном смысле.

– Хочешь, возьми себе. Но только себе. Я его не регистрировал.

– Почему?..

– Обойдутся, – сказал Калугин.

Глядел он как-то сумрачно, будто и не домой собрался.

– А этот портрет – тебе на добрую память.

Я чуть со стола не упал. Первое, что пришло в голову: Костя заболел. Второе – устал и надорвался. Мне тридцать пять, ему тридцать, в годах это совсем не разница, а в опыте и привычке держаться еще какая.

Вдобавок я-то холостой, вернее разведенный, ну да один черт, а у Кости жена и дети. Нельзя таких молодых людей отрывать от семьи надолго, изводятся они в дальних командировках, никакая ДС не помогает. Хоть каждый день звони домой, от этого бывает еще хуже.

Проблема в том, что полноценной замены Косте на всей Земле просто нет.

Ну то есть это я – замена.

– Я сюда не вернусь. Вижу, ты догадался.

У меня от напряжения свело физиономию. Хотелось заорать: «С ума сошел?! Как не вернешься?! А кто с Тунгусом работать будет?!»

– Ты просто устал, – произнес я как можно спокойнее.

– Да нет же. Послушай, мы тут влипли, как мухи в варенье, сначала очень сладко, а потом – гибель. Мы с тобой все из себя уникальные специалисты по

«Зэ-два», нас в департаменте облизывают, хвалят, мне вон госсоветника второго класса присвоили, скоро, наверное, медали начнут давать… А куда подевались наши старики, которые начинали контакт? Ты и правда веришь, что их вывели из экспедиции ради экономии? Да если бы. Они опытные дядьки, у них здоровые инстинкты, они почуяли, чем все кончится, и разбежались, и другим объяснили, чем это пахнет, и сюда больше никого калачом не заманишь, кроме нас двоих, идиотов…

– Слушай, ну зачем ты так. Просто мои быстро заметили, что Тунгус охотнее всего общается со мной. А потом – твои…

– Старики – не дураки, – веско сказал Калугин. – Они заметили совсем другое. Стоило Тунгусу послать ооновцев далеко и надолго, старики поняли, что «надолго» – это буквально. Люди прилетели делать карьеру – и увидели, что, наоборот, она здесь кончится. Еще одна-две бесплодных командировки, и «Зэ-два» станет местом почетной ссылки. Чего так смотришь? Только не говори, что со мной не согласен…

Интересно, я не могу с ним согласиться – или не хочу?

Первая российская экспедиция посещения насчитывала не жалкие сто человек, как сейчас, а больше трехсот. И мы, дипломаты, на «первой высадке» работали втроем, поэтому у дипмиссии такой просторный домик, всем на зависть. И Калугин нам на замену летел в компании с двумя опытными дядьками. И на Земле готовилась третья вахта. Все должны были нормально отдыхать и спокойно обрабатывать информацию, а не мотаться туда-сюда как ненормальные в две смены, убивая по четыре месяца каждый год на дорогу.

То, что случилось на «Зэ-два» дальше, стряслось прямо у меня на глазах, под самый конец первой командировки, и чтобы прокомментировать это позорище, лучше всего подойдут горькие слова из далекого прошлого. Русский дипкорпус приберегает их как раз для таких нелепых ситуаций: «Дебилы, блин».

Делегация ООН была подготовлена к встрече с аборигенами на сто процентов. Она совершенно точно знала, что тут можно, а чего не нужно. Получила на руки выкладки психологов. И подробную справку от этнографов. И скромный меморандум российской дипмиссии. И Сорочкин лично консультировал делегатов на месте, одолжив у меня пиджак и галстук, чтобы выглядеть

авторитетнее. Я еще заставил его причесаться. Расческа и пиджак на два размера больше, чем нужно, преобразили Лешу: зашло в домик неказистое талантливое чмо, а вышел крутой чокнутый профессор, который, если что, и в морду вцепится. Попробуй такого не послушай, тем более Леша и вправду крупная международная величина. Ооновцы таращили глаза, кивали и говорили: да, профессор, конечно, профессор… Мы выложились по полной, чтобы они не наломали дров.

Иногда мне кажется, они нарочно все испортили. Допустим, получили разведданные о том, что местные очень тесно и тепло общаются с россиянами – подозрительно тепло для такого короткого знакомства, – испугались и обострили ситуацию по принципу «не доставайся же ты никому». Эта версия ничем не подтверждена, но все объясняет. Потому что нельзя быть настолько дебилами. Или можно, но тогда их специально таких прислали, чтобы произвести на местных впечатление. Сильное и отвратительное.

Нет, мы с самого начала знали: не получится легко и просто вписать «Зэ-два» ни в нашу картину мира, ни в политическую карту.

Но не до такой же степени!

Когда дальняя разведка Министерства внеземных операций России добралась до этой планеты, за ней уже закрепился внутри МВО неформальный код «Земля-два». Конечно, только среди тех, кто был допущен к документам строгой секретности и знал, что мы, похоже, отыскали «двойника». Идеальный для колонизации мир, словно под нас заточенный. Готовый форпост на пути к центру Галактики. Лакомый кусочек, в который ничто не мешает воткнуть российский триколор и заявить свои права. И вдруг разведка увидела, что на единственном континенте «Зэ-два» вовсю орудует несколько миллионов людей, подозрительно смахивающих на людей. И там у них, внизу, бронзовый век как минимум. Города, ремесла, торговля, все культурно.

Чужая Земля оказалась.

Большой подарок для адептов «теории посева» и форменная головоломка для тех, кому надо принимать решение, как дальше быть.

И сразу началась сентиментальная чушь: нельзя лишать народ его истории; давайте вспомним индейцев и чукчей; а что мы будем делать, если случится то и это; а что будет, если ничего не делать; а что скажет мировое сообщество; а не лучше ли нам уйти потихоньку. Хорошо, ума хватило сообразить, что уйти никогда не поздно – к нам тоже прилетали всякие, пока мы были совсем маленькие, и ничего ужасного не произошло.

Ну и раз уж мы такие совестливые ребята, что нам по сей день за чукчей стыдно – надо совесть поиметь и как-то защитить аборигенов, чтобы их не поимели другие земляне. Ведь даже если Россия тихо смоется отсюда, то вскорости, буквально с года на год, «Зэ-два» отыщут наши дорогие зарубежные партнеры, а их повадки мы изучили. Они чисто ради приличия сымитируют отказ системы жизнеобеспечения, плюхнутся якобы на вынужденную в ненаселенном районе и там преспокойно установят свой флаг. А потом уже как бы случайно найдут местных – и пойдут впаривать черномазым демократию. Облапошат аборигенов, сожрут с потрохами, а мировому сообществу бросят обглоданные косточки, и оно еще поаплодирует: демократия же, хорошо же! Россия так не умеет, не может и не будет, значит, тем более русским имеет смысл высадиться на «Зэ-два» первыми и закрепиться там. Это не спасет планету от распила впоследствии; но это гарантия, что распил пройдет под нашим присмотром цивилизованно, а местных не ждет гуманитарная бомбардировка или внезапная революция во имя демократии. Короче, надо готовить экспедицию посещения, а разведка пускай собирает информацию и ждет команды.

Проболтавшись на орбите пару месяцев, засыпав окрестности самого большого города «жучками» и худо-бедно расшифровав язык, капитан разведчиков сымитировал отказ системы жизнеобеспечения, сел на то самое место, где нынче «сковородка», и пошел знакомиться.

Естественно, МВО сразу рассекретило планету, открыло все данные, ну и как жест доброй воли пообещало транспорт для делегации полномочных эмиссаров пресловутого мирового сообщества.

Все радостно потирали руки, крутили дырки для орденов, считали потенциальные барыши, а русские утешались тем, что судьба аборигенов теперь однозначно сложится наилучшим образом, а уж свой кусок пирога как-нибудь оттяпаем – первооткрыватели все-таки.

Но, как известно, если что-то может пойти вкривь и вкось – ждите ответного гудка.

Делегация ООН пришла к великому вождю, расцвела казенными ослепительными смайлами – и давай распинаться про международное право и про то, как дружная семья народов Земли будет рада задушить народы Терра Новы в объятьях, а династия Ун должна подать в этом пример соседям. У тебя вроде монархия – ничего не имеем против. Мы пришлем советников, они тебя научат, как составить конституцию и написать законы, обозначить границы и собрать правительство. Дальше ты провозгласишь государственную независимость, подмахнешь несколько бумажек – и добро пожаловать в наши стройные ряды. Ну и помоги нам агитировать остальных местных, чтобы они сделали то же самое, ладно?.. Счастье и порядок на планете гарантируем навеки, армию свою ты распустишь по домам, она тебе больше не понадобится, будете жить с соседями дружно, а если кто забалует, войска ООН дадут ему по голове. Насчет войск тоже не волнуйся, они не займут много места и сами прокормятся. По рукам?

Унгусман выслушал земных чиновников, сильно погрустнел и сказал: ребята, это вы удачно ко мне зашли. А теперь давайте так. Если вступите в контакт с каким-то еще племенем, я буду вынужден немедленно его захватить и взять под свою руку. Благо силенок хватит, могу себе позволить. Я над вашими идеями намерен как следует поразмыслить, а вы пока без моего разрешения ни с кем больше не общаетесь, не летаете тут, не ездите и вообще траву не топчете. Высадитесь хоть на другом краю континента – поверьте, я узнаю, и вам мало не покажется. Русские, если хотят, пускай остаются, я через них буду держать с вами связь и, когда чего придумаю, сообщу. А кто недоволен моим решением – вас сюда и не звали. Понятно? Свободны.

На прощание он закатил им лекцию о неуместности двойных стандартов и лицемерия в международной политике. Сказал: как же вам не стыдно, человечки, вы даже врать нормально не умеете…

На Земле принято считать, что они тогда друг друга не поняли из-за трудностей перевода. А позже, когда сюда завернули частным порядком европейцы и американцы с разъяснениями, уточнениями и предложениями, от которых нормальные главари мафии не отказываются, – совсем не поняли. Но мы-то знаем, как было дело.

Наши именно с тех пор прозвали вождя Тунгусом – за общую крутизну и продуманную дикость, если вы понимаете, о чем я.

Потом стало ясно, что это не дикость, а логика. Просто у большинства землян она какая-то вывернутая, а у Тунгуса – нормальная. У русских с логикой оказалось получше, но Тунгус после той встречи с земной бюрократией долго нас сторонился и тщательно прощупывал. Возникла у него версия, почти невозможная для местного ума, что русские только прикидываются хорошими парнями, а на самом деле – запредельно ловкие обманщики, которых он не в состоянии расколоть. Вождь обязан быть подозрительным, у него работа такая. Вождей с раннего детства специально обучают различать обман внутри обмана, когда человек сам себе врет. Вожди здесь те еще психологи. Тунгус не мог разглядеть в нас двойного дна – и это само по себе насторожило его.

И пока в ООН бились над законом о научно-техническом и культурном эмбарго, имеющем целью, конечно, ограждение невинных туземцев от тлетворного влияния, – а Россия бессовестно ветировала его раз за разом, – Тунгус выкатил такое эмбарго сам. Он четко обозначил, с кем могут общаться ученые, нарезал нам по нашей же карте сектора для биологических и геологических изысканий и запретил полеты ниже условной линии облаков. Пускай соседи видят, как мы летаем – это полезно, авось задумаются о своем поведении, – но пристально разглядывать беспилотники и вертолеты им незачем.

И что характерно: торговые караваны со всего континента ходят к столице династии Ун регулярно, но ведь ни одна нездешняя аборигенская морда даже близко к нашей базе не сунулась.

Только кочевники заслали парламентеров – тайно, ползком по степи, – с деловым предложением ограбить столицу вместе, барыш пополам. Здесь у своих не воруют, даже если что-то совсем плохо лежит, но другое племя растрясти можно. Подполковник Брилёв, мудрый политический деятель, посоветовал степнякам ползти обратно и даже конфетой не угостил. Назавтра Унгелен передал Брилёву персональную благодарность от отца.

Собственно, последствия неудачного визита делегации ООН мы разгребаем до сих пор. На Земле вокруг «Зэ-два» стремительно развился политический кризис, быстро зашедший в тупик. Если по-простому: никто не знает, как разрешить конфликт интересов великих держав, чтобы все выглядело прилично и земляне не поубивали друг друга на фиг из-за инопланетных папуасов, которых нельзя

просто взять и поубивать на фиг, потому что все должно выглядеть прилично.

Единственное, что понятно мировому сообществу, – отчего русские стоят за папуасов горой и всячески рекламируют, настраивая в их пользу рядовых землян: это Хитрый План. Коварство русских общеизвестно.

Увы, немногие знают коварство Министерства внеземных операций. Его так сильно и так регулярно били за перерасход бюджета, что там появился отдел, задача которого – обсчитывать долгосрочные политические тренды, и он с ней справляется получше, чем весь аналитический корпус МИДа. Едва почуяв, что вопрос освоения «Зэ-два» повис в воздухе едва ли не навсегда, в МВО приняли директиву о «разумной экономии ресурсов» и урезании состава экспедиции вдвое. Еще подумали – и рубанули втрое: почему бы и нет? Третью вахту так и не собрали, а меня выдернули из отпуска, присвоили советника первого класса, и в следующую командировку я поехал уже один.

И началось какое-то загадочное бытие в подвешенном состоянии, когда тебя убеждают, что ты герой, что ты уникален и без твоего участия миссия на «Зэ-два» провалится. Но сам ты, хоть убей, не понимаешь, где кончается скромный рабочий героизм и начинается откровенный кретинизм. И наоборот. А что миссия провалится, это к гадалке не ходи, да она уже, считай, провалена.

Но это же не повод все бросить и сдаться.

Конечно, от нашего графика любой осатанеет. По идее, так жить нельзя. Полет на гипердрайве занимает со всеми делами, включая разгон и торможение, около двух месяцев, которые мы почти целиком проводим в спячке. Потом неделю на Земле сдаем отчеты и уходим в месячный отпуск. Дальше – обязательный трехнедельный карантин, будь он проклят. Сидя в карантине, мы издеваемся над врачами, лезем на стенку и валяем дурака, но в основном учимся, повышаем квалификацию и готовимся к новой командировке. Затем грузимся на борт, говорим хором: «Поехали!» – и ложимся баиньки, пока оно и вправду не поехало. Сильно все упрощает недельная передышка, когда корабль тормозит на подлете к «Зэ-два», а мы уже вышли из гибернации и восстанавливаем тонус. За это время можно по дальней связи обсудить с работающей вахтой ее последние новости и принять какие-то решения. Так что придваземляемся мы уже готовые к любым неожиданностям. «Передача вахты» на планете занимает сутки, и главное в этой процедуре – живое общение с коллегами. Очень важно, чтобы обе вахты могли хотя бы денек вместе побродить по базе, подергать технику за

разные места и негромко поболтать тет-а-тет. Ведь по ДС всего не скажешь, да всего и не поймешь.

Вот как сейчас.

– А пойдем на реку, – сказал я. – Если ты, конечно…

– Пойдем-пойдем, – легко согласился Калугин. – На реке здорово, я там всегда сижу, когда надо собраться с мыслями. Ты не подумай, что мне здесь не нравится. Я просто больше так не могу.

Я вздохнул – а то вдруг Костя решит, будто я ему не сочувствую, – встал со стола, открыл платяной шкаф. Привычными, отрепетированными движениями, словно и не уезжал, почти не глядя.

Глядел я в основном на портрет Унгали. Оторваться невозможно, до чего хорош.

До чего хороша.

Была бы она просто красивая – но, увы, все намного хуже.

– Ты сам подумай, кто сюда охотно едет и почему, – брюзжал Калугин у меня за спиной. – И какие резоны тут болтаться у дипломата, которому надо расти.

Широкополая легкая шляпа лежала на месте, рядом – «мухобойка», крошечный отпугиватель насекомых. Очень важно, чтобы все было точно там, до миллиметра, где ты оставил, уезжая. Это у нас ритуал.

– Ну мы-то с тобой не за карьерой летели, – заметил я, вешая пиджак на плечики и снимая галстук. – Давай совсем откровенно – мы просто были рады приключению и считали, что нам очень повезло. Напомнить, кто радовался больше всех?

– Приключение кончилось, тебе не кажется?

– Ну так оно должно было кончиться… И началась обычная работа…

Я копался в шкафу, думая, что переодеться в камуфляж было бы разумно, но сейчас каждая минута на счету – Калугин может остыть, а ему хочется многое сказать мне, и надо ловить момент, пока напарник готов откровенничать.

– Это не работа, а профанация. Топтание на месте. Тебе хорошо, тебя хотя бы любят!

– Да кто меня любит, когда экспедиция поголовно уверена, будто я стукач! Это с тобой все обнимаются!

– Я не про наших, – процедил Калугин.

– Хочешь сказать, тебя местные не любят?!

– Не так! – отрезал верный мой коллега.

Я высунулся из шкафа, уже в шляпе, с пристегнутой на воротник «мухобойкой», и хотел поймать Костин бегающий взгляд – глаза у напарника не на месте, он чувствует себя виноватым передо мной и теперь старается переложить вину на людей и обстоятельства. Что значит – не так его любят? А как его должны любить?.. Но Калугин стоял у дверей, а со стены на меня смотрела Унгали.

Ничего, кроме «вот такая хреновая у нас работа», в голову не шло.

– Вот такая хреновая работа! – пробормотал я, уставившись на портрет, словно загипнотизированный.

– Если хочешь, я сниму его. Это два слоя герметика, черный поверх белого, их можно просто срезать и скатать в рулон.

– Даже знать не хочу, откуда у русского дипломата герметик в таком количестве.

– Со склада, вестимо.

– Коррупция?

– Я бы скромно назвал это бесхозяйственностью.

– То есть банальная кража. Во дворце тебя такому не учили.

– Во дворце плохому не научат. – Калугин подошел и встал рядом. – Хочешь верь, хочешь, нет, еще и поэтому я не хочу возвращаться сюда. Они совсем как мы, но гораздо лучше нас. Особенно новое поколение, дети Тунгуса и их ровесники. Чистые, верные долгу, порядочные…

– Ага, и голову проломят любому, кто показался им непорядочным.

– А почему бы и нет!

– Очнись, Кость, это мафия, – сказал я. – Мафия всегда со стороны выглядит намного привлекательней, чем любая госструктура.

– Но мы-то знаем ее изнутри!

– Ну знаем. Обязаны. Задача у нас…

– Да к черту такие задачи! – отрезал Калугин. – Буду сидеть в офисе, а эти кукольные черные мордашки забуду как страшный сон.

И отвернулся от портрета несколько резче, чем полагается в приличном обществе.

Унгали смотрела на нас и, наверное, думала, до чего же мы смешные.

Беда с местными аристократами, очень славные они люди. Мы с Калугиным знаем их, как никто. Уверен, разведка изучила их повседневную жизнь намного подробнее и может посекундно доложить, что происходило во дворце и его ближайших окрестностях тогда-то и тогда-то. Зато наша работа – хреновая, прошу заметить, – предполагает тесные и даже неформальные контакты с объектом. В идеале – доверительные и теплые. Но каждую секунду ты обязан быть начеку и помнить, что с тобой работают тоже. Увы, дружба официальных лиц – не более чем удобный инструмент решения вопросов, и вся история Земли это доказывает. А пресловутая «ценностная политика» со всеми ее гуманными

лозунгами была такой же выдумкой пиарщиков, как и сами «общечеловеческие ценности», ради которых так легко начинаются ковровые бомбардировки. Не бывает дружбы между странами, и братских народов не бывает, забудьте. Есть только интересы выживания нации, и поступиться ими ради личной симпатии немыслимо. «Хороший парень» – наша профессия, но совсем хорошим парням, наивным или легко управляемым, в нее путь заказан. Съедят. И плевать, что съедят тебя лично – страну твою могут слопать, а ты и не заметишь как.

Но куда деваться от простого факта, что на исследованной нами части «Зэ-два» в силу объективных причин – например, легкой избыточности кормовой базы, и это лишь то, что на поверхности, – сложился уникальный социум с четкими и мудрыми правилами игры. Здесь все до того хорошие, даже которые плохие, что первая мысль – нам встретилась искусственно выведенная и управляемая цивилизация, в нормальных условиях так просто не бывает. Где-то под землей сидят зеленые человечки и рулят черными.

Кстати, зеленых человечков мы активно ищем, хотя бы следы. Ну явный же «посев» тут был. Гоминиды не успели бы так развиться естественным образом. На планете по всему примерно миоцен, и вдруг – высокоразвитая разумная жизнь.

Нет, на «Зэ-два» не рай и не утопия. Да еще и слишком жарко летом. Но чертовски здорово. Нам очень нравится.

И народ здешний красив телом и душой. А отдельные экземпляры хороши, чего уж там, прямо до дрожи в коленках.

Кто не работал с Тунгусом и его ближним кругом, просто не может представить, как приятно – и в то же время трудно – иметь дело с такими людьми. С ними тепло. Но иногда чувствуешь себя невообразимо глупым. Нет, ты не всегда был дураком, это вбитые в голову стереотипы земной цивилизации сделали из ребенка тупое жвачное. Или тупого хищника. На Земле выгодно быть ограниченным, так жить легче.

И все неожиданности, что нас ждали на «Зэ-два», преподнесла нам отнюдь не планета и не ее жители. Проблемы сидели у землян в головах, а здесь уже вылезли наружу во всей своей неприглядности.

– Пойдем, – сказал Калугин. – Успеешь еще налюбоваться. Я и не думал идти сегодня на реку, а теперь хочу. Посидеть на берегу… Проститься.

Да чтоб тебя. Ну зачем такая трагическая интонация?

Я надвинул шляпу на глаза, повернулся кругом через левое плечо и шагнул за дверь, в жару.

* * *

Территория базы обнесена высокой сетчатой оградой и залита красно-коричневым полиуретаном, словно огромная спортивная площадка. Круглые сутки по ней снуют плоские шайбы пылесосов, шарахаясь от людей и машин. С песком они, прямо скажем, не справляются. Ограда еле слышно потрескивает – это патентованная лазерная система отстреливает насекомых на подлете. Тоже получается не очень.

Время от времени в МВО начинается дискуссия, не запретить ли технике заезжать на базу – чтобы не таскала внутрь песок на колесах. Пускай стоит просто за забором или паркуется у «взлетки». Но тогда всплывает еще десяток вопросов, начиная с того, кто будет машины сторожить, и заканчивая элементарной безопасностью: как быстро занять круговую оборону, если внезапно нападут. Брилёв и Газин могли бы по любому пункту дать развернутую справку, но вообще-то насчет песка у них есть один всеобъемлющий ответ. Военачальники благоразумно держат его при себе, чтобы их же самих не спросили, куда они смотрели, когда утверждали место для базы и расположение аэродрома относительно нее.

А смотрели они на розу ветров. Когда у тебя под боком условно античный город в двадцать тысяч народу, где население вовсю занимается обработкой металла и приготовлением еды, но дерево у него в дефиците и топит оно понятно чем, ты, если не совсем дурак, постараешься встать с наветренной стороны. Разумеется, выше по реке. Узнав, что город продвинутый и там есть центральная канализация, как в Древнем Риме, – все равно выше по реке, но уже не так далеко.

Порадовавшись тому, какие они умные, наши герои просто забыли про аэродром, и тот оказался, где ему положено согласно типовой схеме – удобно пользоваться, легко охранять. Тоже случайно «с наветра». Каждый взлет Чернецкого поднимает смерч, который при самом легком дуновении сносит прямо в ворота, и это дает такой шикарный результат, какого всем нашим бэтээрам и джипам не добиться за неделю совместных усилий. Про взлет подъемного крана и вспомнить-то страшно.

Что касается обороны, и тем более круговой, интересно было бы послушать, как начнут фантазировать командиры, если попробовать вытянуть из них правдивый анализ обстановки. Формально мы находимся в постоянной готовности ко всему плохому, и я со своей невысокой солдатской колокольни не вижу признаков особого расслабления. Ну, положа руку на сердце, наш спецназ уже не тот, что в первую командировку. Тогда у него ушки на макушке прямо дрожали от усердия. Он сначала увидал стаю степных псов, вольготно разлегшуюся всего-то в километре от города, потом узнал, что местных такое соседство никак не смущает, а кочевники вовсе не уважают этих исчадий ада и гоняют почем зря, – и сделал выводы. Ой, мама дорогая, здесь неспроста жарища – мы угодили в натуральную преисподнюю, где черти безрогие, зато конкретные… Тут ведь как: если долго сидеть на берегу реки, пока дети купают коней, можно свыкнуться с мыслью, что кони не страшные и отнюдь не горят желанием тебя заколбасить, если, конечно, нарочно их не сердить. Но к степным псам трудно проникнуться доверием. Это гиенодоны полутора метров в холке, по-своему очень даже милые, когда пасть закрыта. Биологи говорят, их поголовье не растет, потому что аборигены здорово собачек затюкали. У вас еще остались вопросы, кого здесь надо бояться?

Правда же в том, что бояться нам некого. Бесстрашные кочевники уже лет сто не грабят караваны, а охраняют их и жалеют, что не додумались до этого раньше. Все равно они ворье и хулиганье, но суются только туда, где чуют слабину, отчего для нас абсолютно безвредны. А могучая династия Ун, конная армия которой в состоянии завалить наши пушки мясом и растоптать, пускай и с фатальными для себя потерями, просто не догадается, что это хороший аргумент для блефа. Здесь такими вещами не шутят, слишком дело серьезное. В диалекте Ун много слов для разных типов боевых действий, начиная с демонстрации силы и заканчивая полноценной войной на уничтожение. Последнее слово почти вышло из употребления, и даже те, кто обязан помнить этот термин по долгу службы, произносят его шепотом. Он, насколько я смог понять, неприличный.

Короче говоря, я бы здесь боялся нас. Там, где напрочь отсутствуют идиоты, а жизнь ценится высоко, потому что она в удовольствие, и нормальным считается не гнуть народ в дугу, а мотивировать на дело и иметь свою долю, по-настоящему опасен человек с менталитетом землянина. Мы здесь самые плохие.

И самые злые. Ну вот чего опять Костю несет?

– Во! Явился, слегка запылился… Это не простая, а звездная пыль! Ты смотри, какой… Генерал!

Мы брели по «главной улице» базы, я оглянулся – в ворота заходила техника. Челнок успел сделать еще рейс, приехала вторая партия нашей вахты. Из командирского люка головного бэтээра торчал бронзовым памятником себе любимому начальник геологоразведки Билалов. Тоже по-своему хороший человек, очень даже милый, когда пасть закрыта.

– Кому на «Зэ-два» жить хорошо, – процедил Калугин.

– Да хватит тебе…

– Как будто ты сам никогда не прикидывал, зачем сюда едут люди.

– Мне было некогда, – отрезал я, невольно прибавляя шаг, чтобы лишнего не слышать, если Билалов прямо сейчас начнет вещать на всю базу. На броневик-то он влез уже, трибуна подходящая.

Кто знает, как этот бог геологии общается со своими ребятами в поле – по сплетням, вполне нормально, – но при минимальном стечении посторонних слушателей Билалов принимается читать народу мораль. Он, может, и не хочет, но это так звучит. И меня охватывает жгучее чувство стыда: ну почему выдающийся звездопроходец и ученый, без пяти минут академик, и вдруг форменный долдон. От него даже полковник Газин, по собственному утверждению, весь такой охреневает.

– Некогда? Ловлю на слове! – обрадовался Калугин. – Тебе было некогда! Ты делом занимался! А мне еще как было!..

– Ну просвети меня, страдалец.

– А ты сам подумай, – сказал Калугин, шагая рядом. – Итак, зачем сюда едут? Военные довольны, им платят «внеземельные», у них нет ни малейшего шанса повоевать и будет, о чем рассказать внукам – я служил на другой планете, я космический десантник, ядрена матрена! Биолог ползает по степи, наблюдая повседневную жизнь своих ненаглядных гиенодонов, а за ним ползут два спецназовца с автоматами, чтобы этого маньяка не съели, – и тоже счастливы, им не скучно! Летчики… ну ладно, у них заказ на аэрофотосъемку, они работают. А вот доктор наш просто красавец – сидит в санчасти и пишет диссертацию… Насмотревшись на него, рядом уселся отец Николай – и тоже чего-то строчит!

– Ну а что ему делать, не обращать же местных, и они не поймут, и вообще запрещено.

– Да черт его знает. Мог бы тоже ползать. Или копать!

– Так кто ему даст, Дикий Билл близко не подпустит, там только свои.

– Во-от! Группа Билалова – это отдельная история. Она роет землю носом в поисках якобы геологических аномалий, а на самом деле – следов пришельцев, что посеяли тут жизнь… и копает она круглый год в две смены, а начальник группы, обрати внимание, один! В нашей вахте – заместитель! Это только Дикий Билл мог провернуть такой номер, потому что не хочет ни с кем делиться славой, он готовится пожинать лавры и почивать на них…

– Злой ты, Константин, честное слово. Дался тебе наш генерал от геологии.

– Еще как дался. Потому что его ребята, пускай он имеет их в хвост и в гриву, все равно заняты чем-то полезным и перспективным! Интересным!

– А мы, значит, не интересным?.. Да побойся бога. Мы единственные из экспедиции, кто может общаться каждый день с уникальными людьми, каких на Земле не сыщешь. И они сами идут на контакт. Они нам рады!

– Рады! А толку?

– В каком смысле?

– В профессиональном! Вон этот твой долбодятел Сорочкин! Он же просто на золотое дно упал – впился в Генку как клещ и слезет с него минимум член-корреспондентом, если не академиком! А чего добился я?

Кто угодно в ответ съязвил бы, что Костя просто не умеет правильно впиваться или не на того полез. Но я не кто угодно. Пока я придумаю хорошую реплику, все успеют забыть, о чем вообще был разговор.

– По-моему, ты и правда устал, – сказал я. – Очень устал. Из-за этого ты такой раздраженный и злишься на всех.

Калугин поднял на меня глаза, и злыми они не были, а вот замученными – точно. Ладно, это поправимо, в отпуск сходит, отдышится. Он должен сменить меня через полгода, должен! Хотя бы еще раз, пока я подыщу ему замену. Чертовски трудно мне придется. Ведь нас и правда только двое, кто по-настоящему в курсе дела, принят во дворце благосклонно и знает все подводные камни. Сюда нельзя прислать обычного карьерного дипломата, пускай и опытного, не опасаясь за последствия.

Разве что последствия никого уже не будут интересовать…

Об этом я старался не думать.

– Я не злюсь, – сказал Калугин. – Ты просто не понял.

На воротах, обращенных к городу, стоял дежурный джип, а в караульной будке вместо привычно скучающих двоих бойцов весело балаболили аж четверо. Безобразное нарушение Устава гарнизонной и караульной службы вообще и его версии для сводных отрядов МВО в частности.

Тем не менее нас заметили. Пускай не глазами, а по меткам на мониторе, но все-таки хотя бы один, значит, следил, не крадутся ли к посту сзади. Дневальный высунулся из будки, подчеркнуто вежливо поздоровался, а меня даже поздравил с успешным придваземлением и попросил сообщить цель убытия, поскольку в журнале наш выход не запланирован.

Говорю же, не расслабляется спецназ. Если нас на реке убьют, съесть точно не успеют.

Это я расслабился. Задумался, бывает, но все равно нехорошо.

Я легонько прижал указательным пальцем точку за левым ухом.

– Русаков – системе. Отметить выход. Направление – город. К обеду вернусь.

Система пискнула в ответ. Теперь порядок. Здесь и так никто не шляется бесконтрольно, это просто невозможно, но лучше предупредить, что ты намерен покинуть территорию базы, отвечаешь за свой поступок и у тебя все нормально.

Интересно, наши по-прежнему бегают в самоволки? И как на это смотрит Брилёв? Надо будет спросить.

Почти уже полтора года минуло с тех пор, как нам запретили неорганизованно шляться по городу. И пускать туземцев на базу, если это не официальные лица, тоже нельзя. Вольницу «первой высадки» я вспоминаю с тоской: казалось бы, мы с аборигенами только-только нащупывали точки соприкосновения и обе стороны вели себя предельно осторожно, чтобы никого случайно не обидеть, – а ведь какое прекрасное было время!

Обнаглели мы тогда стремительно, и те, и другие, как только поняли, что никто не держит камня за пазухой. Страх потеряли в буквальном смысле, раз и навсегда. До совместных пьянок не дошло только потому, что у россиян во Внеземелье – сухой закон. Но бренчать на гитаре и орать «Катюшу» под аккомпанемент дворцовых барабанов, катать детишек на джипах, подбросить конникам идею стремян и провести с шаманами семинар по обмену опытом полевой хирургии – это все уже было.

О том, что у детей великого вождя есть планшеты с мультиязычными трансляторами, битком набитые обучающими курсами и тщательно отобранными популярными статьями, я вам не говорил, а вы не слышали. Это частный случай контрабанды, за который несет ответственность конкретное безответственное лицо, стыд ему и позор, гнать таких взашей с государственной службы… Но мы должны были хоть немного подготовить аборигенов к моменту, когда Земля навалится на «Зэ-два» всерьез. Чтобы понимали, с кем имеют дело.

Гайки закрутили где-то через месяц после того, как «первая высадка» уехала домой. Еще и поэтому Калугин так грустит – он успел хлебнуть немножко воли и застать момент перелома, когда ООН продавила наших, и те заставили МВО ввести жесткие ограничения на контакт. Ну и «старики» не стеснялись при Косте в выражениях, объяснив ему по-простому, чем обычно кончается такой застой для карьерного дипломата. Надо отдать им должное, они не сидели на чемоданах, а исполняли свои обязанности – при любом удобном случае выбирались во дворец и много общались с детьми вождя, гулявшими по базе как ни в чем не бывало. Именно дипломаты первыми догадались, что подростки выполняют на базе какую-то сложную миссию – не столько учатся у нас, сколько изучают нас самих.

Из-за культурного эмбарго и всех этих запретов мы оказались в довольно щекотливой ситуации. Между туземцами и рядовыми членами экспедиции успели сложиться такие отношения, испортить которые, во-первых, глупо, а во-вторых, просто не по-людски. Нельзя плевать в искреннюю честную симпатию. Думаю, нам проще было бы улететь отсюда, чем отказаться от неформального общения. В конце концов, русские не виноваты, что нравятся местным, а те нравятся нам, хотя и развивают у некоторых – вот как у меня, например, – комплекс неполноценности.

Нас в городе любят и ждут. У нас там друзья-приятели. Если мы перестанем ходить к ним в гости, они загрустят и придут сами. Это как запретить Унгелену кататься верхом на бэтээре – вот попробовал нынче один такой… Даже против своей воли мы ежедневно нарушаем резолюции ООН о невлиянии, нераспространении, недопущении и тому подобном. Нам позволено только наблюдать, и мы стараемся держаться в рамках, но ты сам поди понаблюдай, когда тебе задают вопросы и ждут честного ответа. Чтобы избежать эксцессов, надо перестать вовсе соваться в город. Мы живем здесь в чертовски нервной обстановке, когда любой неосторожный шаг может быть истолкован как нарушение – и дорогие зарубежные партнеры рано или поздно откопают доказательства оного. А дальше – как повезет. Сегодня Россия на международной арене демонстрирует несгибаемую волю, а завтра ей надо с кем-то вступить в альянс временно, и она слегка прогнется. Следом начнут прогибаться министерства и ведомства, а в итоге компания хороших парней, кукующая на планете, до которой лететь два месяца, огребет со всех сторон. У всего личного состава экспедиции общий начальник – МВО, – но у каждого есть еще свой, так сказать, родной, который, извините за выражение, не преминет. Не упустит случая, если по-простому. И даже наш с Калугиным продвинутый,

мудрый и коварный департамент Министерства иностранных дел еще как не преминет.

И жизнь экспедиции осложнится до предела, хоть и правда улетай.

* * *

Знакомый косогор совсем не изменился. Я сел на краю, привычно свесив ноги, и подумал, не снять ли ботинки, но вспомнил, что кремом от загара – или для загара? – у меня намазано далеко не все.

– Крем! – будто прочитав мои мысли, встрепенулся Калугин.

Я сунул ему руку под нос.

Во Внеземелье не принято верить на слово: человек мог собраться что-то сделать, но отвлечься и забыть. Контролируй человека, оба целее будете.

Во Внеземелье все очень четкие, заботливые и предусмотрительные. Это не значит «вежливые». Братья не обязаны быть вежливыми друг с другом. Хотя и стараются. Неписаный кодекс чести МВО предполагает, что жизнь товарища по умолчанию важнее твоей, поэтому надо о товарище заботиться и чуть что – бежать на выручку. А чтобы не пришлось выручать на ровном месте – незачем человека попусту изводить и доводить. Он станет дерганый, наделает глупостей. Кому это надо? Да никому. Я знаю, меня в экспедиции не особенно любят. Но уверен, что каждый здесь, не задумываясь, рискнет жизнью, спасая мою шкуру.

Вряд ли они подозревают, что я еще перед второй командировкой ознакомился с персональной секретной инструкцией МИДа, согласно которой должен беречь себя как зеницу ока. Никуда не лезть, никого не спасать, и в самом худшем случае – пускай весь отряд погибнет, а советник Русаков обязан выжить любой ценой. Вообще любой ценой, без моральных ограничений, если вы понимаете, о чем я. Солдат и полковников еще много, ученых у нас тоже полно, да и дипломата может родить самая обыкновенная женщина, а советник Русаков – он незаменимый – когда все сдохнут, ему тут одному поддерживать контакт. В смысле государственной пользы идея правильная и рациональная. В чисто

человеческом измерении – меня тошнит. Я вообще стараюсь не вспоминать, что эту пакостную инструкцию видел, но, извините, под ней стоит моя подпись. И когда отдельные коллеги по экспедиции подчеркнуто держат со мной дистанцию, я думаю: что-то они чуют. Ничего у меня на лице не может быть написано, но если таскаешь в себе некий стыдный грешок и маешься из-за него, люди чувствуют, как с тобой неладно. Год уже не могу отделаться от ощущения, что согласился, пускай и в принципе, чисто умозрительно, на подлость, которую можно только кровью смыть.

Одного не понимаю: как меня накажут, если я нарушу инструкцию и отдам концы?

И никому ведь не поплачешься в жилетку. Ни маме родной, ни даже Калугину. Вон сидит довольный, щурится на солнце, чемодан уже собрал, мечтает небось о спокойной работе в офисе. И не уломают его в департаменте, только я могу упросить чисто по-товарищески отсидеть здесь еще срок. А он возьмет да пошлет меня. Тоже чисто по-товарищески. Далеко и надолго. Совесть у него, видите ли. Да не совесть это, дружище, а неудовлетворенные амбиции. И не дай бог – зависть. Очень мне не понравилось, как он выпалил: «Тебя хотя бы любят!» Как будто его не любят. Насколько я знаю, он всем во дворце нравится. Честный и открытый, иногда чуть-чуть слишком искренний парень, таких здесь ценят, им доверяют. А сам-то ты ценишь этот важнейший ресурс? Пойми, дурачок, пока ты на своем посту, симпатия аборигенов – не игрушка и не приятное дополнение к работе, она вообще тебе не принадлежит, она собственность России. Ты эти теплые чувства обязан беречь и развивать, а не пытаться бежать от трудностей.

И ведь если я сейчас ему скажу такое, он еще быстрее удерет.

Дезертир.

– Ну как, вспоминаешь?

– Будто и не уезжал, – сказал я.

Под нами была река, широкая и мелкая, не судоходная по определению, а сейчас едва не пересохшая. В реке, как всегда, бултыхались гнедые кони и черные дети. Кони мычали, дети помахали нам издали.

Если лошади кочевников, пожалуй, верблюды – я сейчас очень приблизителен, – то тягловая сила оседлых племен трудно поддается классификации и описанию. По строению тела близка к буйволу, но на морду скорее бегемот. Широченным своим хайлом она стесывает ковыль под корень, буквально выстригая степь. Самое интересное, что лошадка хотя и травоядная, но «факультативный хищник», если вы понимаете, о чем я. И достаточно один раз приглядеться к ее мощнейшим клыкам, а потом вспомнить, какую внушительную скорость она развивает на рывке и как резко набирает ее при старте с места, чтобы в душе поселилось глубокое недоверие к этому на редкость спокойному и добродушному существу. И подозрения всякие нехорошие. Что, например, не просто так оно добродушное и любит, когда его чешут за ушами.

Это оно усыпляет вашу бдительность.

Честное слово, мне гораздо больше нравятся степные псы. С ними хотя бы все понятно. Живодеры и трупоеды. Совсем как люди, такая же сволочь. Тунгусу они, кстати, по душе, великий вождь иногда, гуляя по степи, разговаривает с ними, а собачки, ростом ему выше пояса, внимательно слушают и преданно виляют хвостиками. Двое нас таких, кому степные псы симпатичны, Тунгусу вблизи, а мне на расстоянии. Биологов я не считаю, они все сумасшедшие, им и кони – красавцы.

Что еще полезно знать: лошадей тут приручили в незапамятные времена, а степных псов даже не пытаются. Религия аборигенов – если можно ее назвать религией – анимизм, они верят в одушевленность всего живого, видят отражение себя во всем, и степные псы занимают очень важное место в их системе взаимодействия с миром. Псы не священные животные, всего лишь подсобная сила, но без нее никак. Иначе собачек давно бы извели под корень или одомашнили и приспособили к делу – стада пасти, допустим. Но нельзя. Степные псы – проводники усопших в мир духов…

Я помахал детям в ответ. Пригляделся к садам за рекой – они не то чтобы цвели буйным цветом, но урожай будет. Очень засушливое лето нынче. Повернулся лицом к столице. И так знаю, что все на месте и ничего не изменилось, я же неделю на подлете к «Зэ-два» изучал отчеты Калугина и смотрел видео с камер слежения, но самому пробежаться свежим глазом – надо.

Город легонько коптил небо, тихонько гудел на много голосов, еле слышно позвякивал и постукивал тем, что они тут считают музыкой. Главные ворота

были привольно распахнуты настежь, заходи – не хочу. Никакой видимой охраны, она в тоннеле за воротами прячется, там хотя бы тень. Та еще мясорубка этот тоннель, в него за один присест заходит на досмотр торговый караван, и не дай бог это окажется диверсия – нашинкуют злодеев вместе с транспортом, а сверху еще и потолок упадет. Тунгус, правда, говорит, такие эксцессы в далеком прошлом. Ну так и городу лет немерено. Предки Тунгуса, бывшие кочевые скотоводы и охотники, закрепились в нем лет триста-четыреста назад, и он тогда уже был по здешним меркам велик.

Занятный город. Под властью династии Ун он перестал расти и начал размножаться почкованием. Время от времени из него выходят отряды поселенцев и направляются кто вверх по реке, кто вниз, кто в глубь континента. Насколько мы понимаем, каждый отряд – то ли семья, то ли похожая родовая структура, имитирующая династию Ун в миниатюре. А здесь штаб-квартира и деловой центр всей этой мафии. И никакой феодальной раздробленности даже в намеках, хотя, казалось бы, есть предпосылки, включая подрывную деятельность кочевых вождей, которые вроде бы сотрудничают с династией Ун, а вроде бы агитируют окраинные поселения за сепаратизм, обещая им свою защиту. Но никто не согласен отложиться от клана, а всерьез потрепать дальние провинции у кочевников кишка тонка. Их век подходит к концу, вожди это чувствуют, вот и трепыхаются.

Самое-то интересное, что экспансия оседлых племен ничего страшного для кочевников не означает, уж в ближайшую тысячу лет точно, степи на всех хватит. И на данном этапе чем больше новых поселений, тем выше качество жизни степняков – растет доход от проводки караванов, ближе ездить торговать, больше хороших товаров. Им бы, если совсем по уму, взять да вписаться в династию на правах младших партнеров. Тем более нынешние кочевые лидеры сплошь дальние родственники Унгусмана, пускай седьмая вода на киселе, но все равно уважаемые люди, с которыми великий вождь говорит слегка иронично, однако на равных. Кажется, они просто морально не готовы к такому серьезному решению. Дергаются и нервничают.

Трудно оставаться спокойным, когда тебе неумолимо наступает на пятки империя. Она так не называется, она не похожа на империю по привычным для нас внешним признакам, да она вообще черт знает на что похожа, но вот по духу – это самое. Империя как инструмент связности – и, внезапно, поддержки разнообразия. За время своего правления Унгусман спокойно, без мордобоя, присоединил несколько дальнородственных племен и, наладив там управление,

оборону, финансы и коммуникацию по заведенному образцу, ничего больше пальцем не тронул. Наоборот, вложился в эндемичную культуру, если ее можно так назвать, и не позволяет ей заглохнуть. Людям только дай, они начнут во всем копировать столицу и быстро забудут свое родное – это мне сам великий вождь сказал. И ведь Унгусман откуда-то знает, что допускать такого нельзя. Может, оттуда, что он – великий вождь?..

Из тоннеля показался джип и попылил от города к базе. Мы лениво провожали его глазами, когда он вильнул и пошел в нашу сторону.

– Странное место эта планета, – сказал Калугин. – Пока ты в домике – никому даром не нужен. Только высунешься – невозможно спокойно на берегу посидеть, болтая ногами. С тобой здесь тоже так?

Я открыл было рот, думая ответить: «Не знаю, мне обычно некогда», и очень вовремя его закрыл. Костя решит, что я издеваюсь.

Джип загодя плавно затормозил, чтобы не присыпать нас песочком.

– Загораете, бездельники? – крикнул Миша Штернберг. – Это правильно! До сезона дождей всего каких-то восемь месяцев!

Миша – этнограф и лингвист, сменщик нашего Сорочкина, и вполовину не такой гениальный, зато раз в десять более приятный человек. Наверное, это как-то связано.

Еще он единственный во всей экспедиции, кто носит не земную одежду, а местную тогу, расшитую причудливым родовым узором династии Ун, только без знаков различия. Униформа рядового, так сказать, и кому попало из чужаков ее не подарят. Сорочкину, кстати, не дали. Я бы в такой размахайке ходил с удовольствием, но мне не положено, я не рядовой.

– А что говорят шаманы?

– Да в гробу я видал такие дожди, как они предсказывают. Я хочу, чтобы степь цвела! Тут когда цветет – ух! Загляденье! Буйство жизни! А вы же не видели, вы не попадаете…

– Самым краешком только.

– Это вам не повезло. Но еще успеете. Здорово, советник.

Я с удовольствием пожал сильную широкую ладонь.

– Здравствуйте, профессор. Что там, в городе, много наших шляется?

– Сейчас только Леша, я как раз от него. А вечерами – солдатики гуляют маленько. Но в разумных пределах. Все со сканерами. Командир сказал – если он не может это безобразие побороть, да не очень-то и хотелось, то должен его возглавить и обратить на пользу экспедиции. Значит, выход в город без сканера будет зафиксирован системой как самовольная отлучка со всеми вытекающими… А если со сканером – твои проблемы, только не попадайся дежурному офицеру на глаза.

– Ну что, хорошо придумано.

Калугин рядом поежился и фыркнул. Не уважает он подполковника Брилёва. Надо, кстати, найти удобный момент, чтобы сказать Косте, как высоко ценит его подполковник. Или не надо. Я подумаю.

– Нашли что-нибудь?

– Пока глухо. Похоже, выгребли все подчистую.

– Это радует.

Если мы чего и боимся в столице, это «жучков» иностранных разведок. Вроде бы просканировали весь город, но избирательность датчиков не такова, чтобы дать стопроцентный результат. Только дворец ребята Трубецкого гарантированно «прозвонили» снизу доверху, и все, что там случайно уронила делегация ООН и что позже выпадало из карманов американцев и европейцев, унесли к себе. А то вдруг абориген найдет странную бусинку, и у него случится культурный шок, хе-хе.

Ну и нам полегче дышится.

– Как долетели? – задал Миша риторический вопрос, который в МВО заменяет унылое «как дела?». Все знают, что долетели без происшествий, но спросить – надо. Риторический ответ: «штатно». Кто скажет «хорошо» или «нормально» – не наш человек. Служителям культа не возбраняется отвечать: «Слава Богу!», но эти хитрые бестии говорят: «С Божьей помощью долетели штатно».

Ну и кто тут, объясните мне, дикари и папуасы?

– Штатно. Сначала дрыхли, потом читали ваши свежие отчеты. Я же не просто так спросил про шаманов…

– Да в гробу я их видал, – сказал Миша. – Признаюсь честно, как космонавт – космонавтам, сдается мне, Уно перебрал с ритуальным порошком. У него же ответственность какая, он ведь не из простых! Ну и перестарался, старый черт.

Ну да, «старый черт Уно» сейчас в неудобном положении. Он сам по себе колоритный тип, учитель и предводитель местных колдунов, которые по совместительству лекари, народные сказители и хранители культурных традиций. Но обычно в эту касту не лезет родовая аристократия, а Уно – выговорить его полное имя я не рискну, да старик и не настаивает, – какой-то примерно троюродный дедушка Унгусмана. У него с детства проявились особые способности, а здесь к любому врожденному таланту относятся серьезно. Не уверен, что семья была счастлива, но молодому человеку пожелали творческих успехов, и он пошел, так сказать, по эзотерической стезе. Потихоньку выбился в популярные шаманы, а потом начал и верховодить. Тонкость в том, что любой представитель столбового рода династии, чем бы ни занимался, несет и перед народом, и перед семьей двойную ответственность. Он должен быть примером. На него равняются. Ему верят. Им восхищаются. У него есть право раз-другой ошибиться, почему бы и нет, но полностью отсутствует право на глупую, нелепую ошибку. Он не может попасть впросак. Честно говоря, не жизнь, а кошмар, и я не представляю, как это вынести без соответствующей дрессировки и промывки мозгов с ранних лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/oleg-divov/chuzhaya-zemlya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити